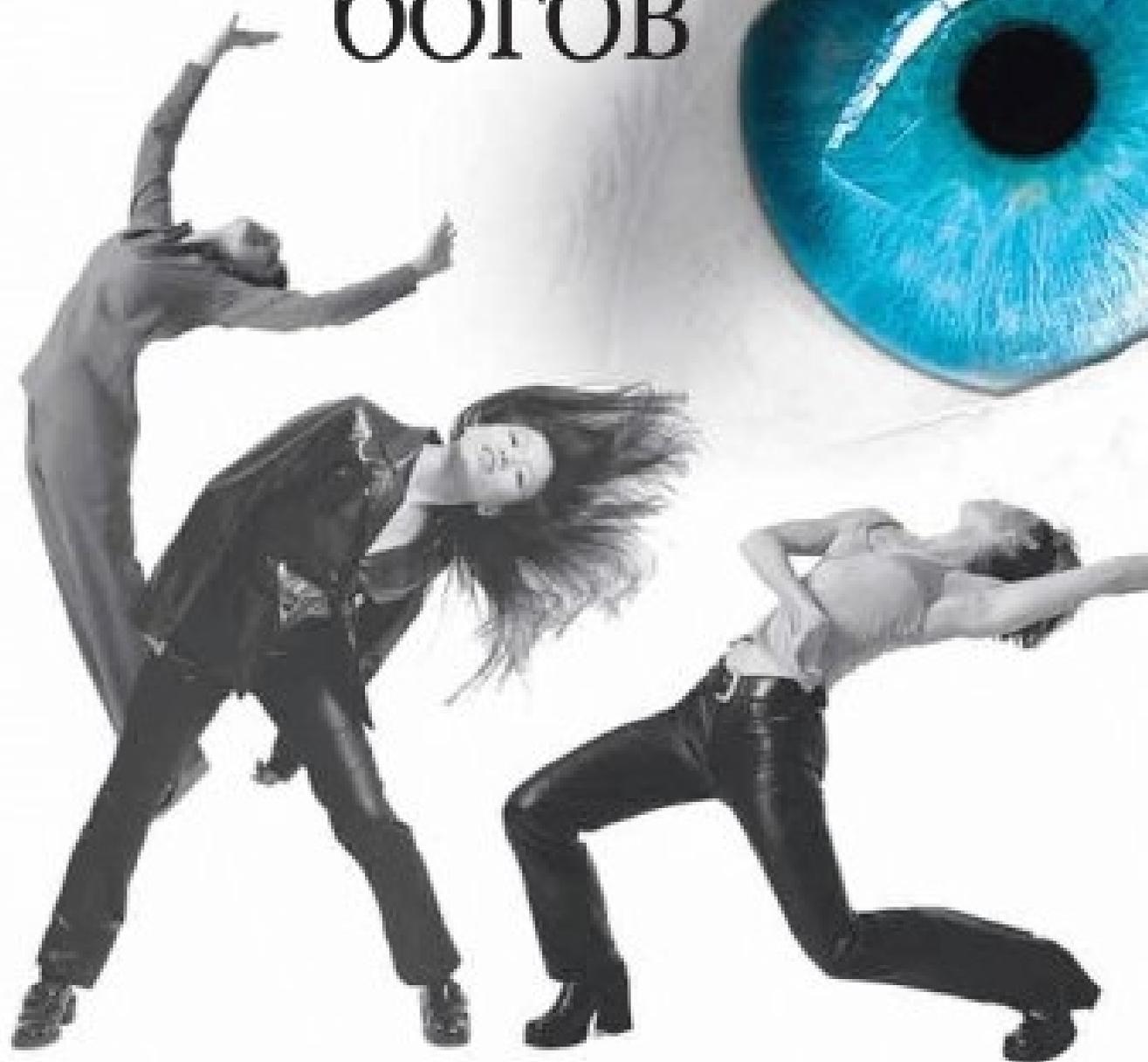

бернард
[верббер]

: ДЫХАНИЕ
БОГОВ

Новый бестселлер знаменитого французского писателя! Впервые на русском языке!

«7 лет я думал и зрел. Я хотел написать книгу, свободную от любых ограничений, и, похоже, мне это удалось».

Б. Вербер

Бернард Вербер

Дыхание богов

Мюриель

«Что бы вы делали, если бы были Богом?»

Этот вопрос подтолкнул меня к мысли написать «цикл о богах».

С тех пор как возникли религии, человек, думая о Боге, оперирует только категориями «Верю» или «Не верю».

Мне показалось интересным сформулировать вопрос иначе и получить другой ответ. Предположим, Он или Они существуют. Попытаемся же тогда понять, какими боги видят нас, простых смертных. Насколько велико их вмешательство в нашу жизнь? Судят ли они нас? Помогают ли? Любят ли? Чего они хотят от нас?

Чтобы лучше представить себе все это, я придумал школу, где богов учат ответственности, учат добиваться нужных результатов.

Попытка вообразить, что думают боги о людях, а не наоборот, привела к новому пониманию нашей истории и возможного будущего, к новому пониманию интересов человека как биологического вида.

Книга «Мы, боги» рассказывает о том, как боги учились. Каждый из 144 учеников покровительствовал одному народу на учебной планете, которая во многом похожа на нашу Землю. Лучшие получали награды, неудачники выбывали из игры. В «Дыхании богов» больше половины учеников, не справившихся с заданием, окажутся за бортом. Остальные поймут, как добиться совершенства в своем искусстве.

Мне бы хотелось, чтобы, взглянув на судьбы людей с необычной точки зрения, из Эдема, читатель смог найти свой собственный ответ.

Если бы вы могли управлять человеческим сообществом, похожим на наше, в мире, похожем на наш, что бы вы выбрали, каким бы стали божеством? Совершали бы чудеса? Говорили бы с людьми через пророков? Поощряли бы войны? Предоставили бы людям свободу выбора? Каких молитв хотели бы вы от смертных?

Бернард Вербер

Если в мире все бессмысленно, – сказала Алиса, – что мешает выдумать какой-нибудь смысл?

Льюис Кэрролл

Таким образом, вселенную наполняют и пронизывают три великие силы:

A – сила Ассоциации, Сложения, Любви.

D – сила Подчинения, Деления, Разрушения.

N – сила Нейтральности, Не-деяния, Не-желания.

A.D.N.

Взаимодействие этих трех сил начинается с Большого Взрыва в трех элементарных частицах – положительном протоне, отрицательном Электроне и нейтральном нейтроне. Продолжается в молекуле. В человеческом обществе. Продолжится за пределами нашего мира...

Эдмонд Уэллс

Вопрос: В чем разница между Богом и хирургом?

Ответ: Бог догадывается, что Он не хирург.

Фредди Мейер

1. ГЛАЗ В НЕБЕ

ОН смотрит на нас.

Мы растеряны, ошеломлены, едва переводим дух.

ГЛАЗ настолько велик, огромен, что раздвигает облака и затмевает солнце.

Рядом застыли мои друзья. Сердце колотится. Возможно ли, что это...

Огромный глаз несколько мгновений парит в небе, будто наблюдает за нами, и вдруг исчезает. Мы посреди бескрайней равнины, заросшей маками, которая теперь кажется удивительно пустынной.

Мы не решаемся заговорить, не смотрим друг на друга.

А если это ОН?

Сотни лет миллиарды людей жаждали увидеть хотя бы ЕГО тень, тень ЕГО тени, отражение тени ЕГО тени. Неужели мы только что видели ЕГО ГЛАЗ?

Я припоминаю, что непроницаемый черный туннель зрачка немного сузился, словно фокусируясь на наших крохотных фигурках.

Глаз наблюдающего за муравьями.

Мэрилин Монро опускается на колени, у Маты Хари начинается приступ кашля, Фредди Мейер оседает на траву, словно его не держат ноги. Рауль до крови кусает губы. Густав Эйфель неподвижно стоит, глядя вдаль. Жорж Мельес нервно моргает. У некоторых слезы на глазах. Тишина.

– Ну и радужка... Да там километр в диаметре, – бормочет Эйфель.

– А зрачок? Метров сто, как минимум, – подхватывает Мэрилин, еще не оправившись от потрясения.

– Это... Зевс? – спрашивает Эйфель.

– Зевс, Великий Архитектор или Бог всех Богов, – отвечает Фредди Мейер.

– Творец, – добавляет Жорж Мельес.

Мне приходится сильно ущипнуть себя. Остальные следуют моему примеру.

– Нам это приснилось. Мы думаем, что там, на вершине горы, восседает Бог, вот и стали жертвами галлюцинации, – решительно говорит мой друг Рауль Разорбак.

– Он прав. Ничего не было, – поддерживает его Эйфель, потирая виски.

Я закрываю глаза, чтобы все остановилось хоть на несколько секунд. Антракт.

Попав на Эдем^[6], планету, расположенную где-то на краю вселенной, я не переставал удивляться. Чудеса начались, едва я ступил на сушу. Мне навстречу бежал человек, объятый смертельным ужасом. Я узнал его – это был Жюль Верн. «Что бы ни случилось, не ходите ТУДА!» – произнес он страшным шепотом, указывая дрожащим пальцем на возвышавшуюся посреди острова гору, вершину которой окутывали плотные облака. И бросился с крутого обрыва.

Дальше события разворачивались стремительно. Меня подхватил кентавр и доставил в город, похожий на древнегреческий, – в Олимпию. Тут я узнал, что со ступени ангела, которую символизировала цифра «6», перешел на следующую, седьмую ступень развития сознания. Стал богом-учеником. Мне предстояло пройти специальное обучение в школе богов.

Занятия вели двенадцать богов греческого пантеона, и каждый из них старался передать нам секреты своего мастерства.

Учебным пособием была планета, копия нашей Земли. Она называлась «Земля-18».

Гефест научил нас создавать минералы, Посейдон – формы растительной жизни, Арес – животных. И наконец, Гермес доверил нам людей. Каждый ученик должен был способствовать

развитию и процветанию своего народа на «Земле-18». «Вы – пастухи, пасущие стадо», – сказал Гермес. Да, пастухи. Но если стадо погибнет, пастух выбывает из игры.

Таков закон Эдема: мы, боги, навсегда связаны с судьбой своего народа. Богиня справедливости Афина сказала совершенно определенно: «Вас 144, но в конце останется только один».

Каждый ученик создал для своего народа животное-тотем. Мой друг Эдмонд Уэллс выбрал муравьев, Мэрилин Монро – ос, Рауль – орлов, а я – дельфинов.

Необычная форма обучения и странное соревнование, в котором мы вынуждены были участвовать, держали нас в постоянном напряжении. А тут еще появились новые «заботы». Кто-то из учеников, видимо, страстно желая стать победителем, решил убивать своих соперников. Найти богоубийцу пока не удавалось.

И в это время Рауля посетила очередная дикая идея – сделать то, что было строжайше запрещено. Выйти за стены Олимпии после 22 часов и подняться на гору, чтобы узнать, что за свет сияет иногда на ее вершине. Мы как раз упражнялись в скалолазании, когда в небе появился огромный глаз.

– Попались, – вздыхаю я.

– Нет. Ведь ничего не было, никакого глаза в небе. Нам померещилось, – повторяет Мэрилин.

Внезапно раздается топот копыт. Это заставляет нас опомниться – опасность еще не миновала, нельзя терять ни минуты. И мы прячемся в красных маках.

2. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПРИНЯТЬ

Философ Эммануэль Левинас считал, что работа художника-творца состоит из трех этапов:

Принять,
Оценить,
Передать.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

3. ДЕВЯТЬ ХРАМОВ

Кентавры. Это патруль. Стадо из двадцати чудищ, коней с человеческим торсом, появляется справа. Скорее всего они ищут нас. Рысью спускаются по склону. Одни скачут, скрестив руки на груди, другие шарят длинными палками в траве, ища богов-учеников.

Кентавры углубляются в цветущее поле, их ноги утопают в алых цветах. Притаившись в маках, мы издали следим за ними. Кентавры похожи на уток, плывущих по кровавому озеру.

Они ускоряют шаг, направляются в нашу сторону, словно почуяв что-то. Мы едва успеваем распластаться по земле. К счастью, маки растут стеной, образуя красный занавес.

Кентавры едва не задевают нас копытами, но вдруг небо разверзается и начинается страшный ливень. Кентавры нервничают. Некоторые поднимаются на дыбы, словно их конское естество не может выносить электричества, которым заряжен воздух. Они совещаются, вода струится по их бородам, и решают прекратить поиски.

Мы долго лежим неподвижно. Черные тучи мало-помалу расходятся, пробивается солнце, капли сверкают на листьях, как крошечные звезды. Мы поднимаемся, кентавры исчезли.

– Едва не попались, – вздыхает Мата Хари.

Чтобы поднять боевой дух, Мэрилин Монро шепчет наш девиз:

– Любовь – как шпага, юмор – как щит. Фредди Мейер обнимает ее.

И тут среди поля пламенеющих маков появляется светловолосая девушка, стройная и смеющаяся. За ней следуют восемь других, необыкновенно похожих на нее. Они стоят перед нами, разглядывают нас, дразнят, хохочут. И вдруг бросаются бежать и пропадают вдали.

Мы переглядываемся и в едином порыве, словно одержимые желанием немедленно забыть о том, что произошло, бросаемся вдогонку.

Мы мчимся среди маков, высокие упругие стебли хлещут нас по ногам. Видение гигантского глаза стирается из памяти, словно информацию такого рода невозможно ни осмыслить, ни вообще удержать в голове. Не было никакого глаза. Коллективная галлюцинация, и точка.

Далеко впереди едва виднеются головы бегущих девушек, их светлые волосы развеваются над морем алых цветов.

Мы выбегаем на широкую поляну. Перед нами девять небольших ярко-красных храмов. Девушки исчезли.

– Еще одно чудо Эдема, – настороженно говорит Фредди Мейер.

Мраморные храмы похожи на миниатюрные дворцы с куполами. Фасады украшены скульптурами и фресками, двери распахнуты настежь.

Мы колеблемся. Мата Хари решается первой. Следом за ней я вхожу в ближайший храм. Внутри никого, зал загроможден предметами, так или иначе имеющими отношение к живописи. Мольберты, незаконченные холсты свалены в беспорядке. Яркие картины все как одна изображают маковое поле и два солнца на фоне горы.

Мы задумываемся, зачем, собственно, мы здесь, как вдруг из другого храма раздается тихая, чарующая музыка. Мы входим туда и видим, что здесь собраны музыкальные инструменты всех времен и народов – ситар, тамтам, орган, скрипка... Какие-то партитуры сольфеджио.

– Помнится, танатонавтами мы пролетали сначала черную зону страха, а потом – красную зону наслаждения, – замечает Фредди.

Мы решаем зайти в следующий храм. Под его сводами мы обнаруживаем телескоп, компасы, карты, инструменты, с помощью которых можно измерить все, что угодно, на небе и на земле. Отовсюду доносится смех девушек.

– Кажется, я знаю, у кого мы в гостях, – говорит Жорж Мельес.

4. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: МУЗЫ

По-гречески «муза» означает «водоворот». Девять девушек, дочери Зевса и нимфы Мнемосины (богини памяти), стали нимфами источников, ручьев и рек. Говорят, их воды побуждали поэтов слагать песни. Со временем функции муз изменились. Сначала они утешали страдающих, потом стали вдохновлять людей, занимавшихся творчеством, независимо от того, какой области искусства те отдавали предпочтение. Музы жили на горе Геликон в Беотии. Музыканты и стихотворцы в поисках прохлады приходили к источникам, бившим около святилища. Позже музы разделились, каждая стала покровительствовать одному из видов искусства или науке:

Каллиопа – эпической поэзии,

Эрато – любовной поэзии,

Эвтерпа – музыке Мельпомена – трагедии,

Полигимния – искусству религиозных песнопений,

Терпсихора – танцам,

Талия – комедии,

Урания – астрономии и геометрии.

Когда девять дочерей Пиэра, пиериды, вызвали их на состязание, музы победили и превратили дерзких соперниц в ворон.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

5. ДЕВЯТЬ ДВОРЦОВ

Порывистый ветер взбивает красную пену маков. Самая молодая из девушек подходит ко мне. Ей, должно быть, едва исполнилось восемнадцать. Она в венке из плюща и закрывает лицо маской, изображающей удивление. Девушка медленно отводит маску в сторону, и я вижу лукавое личико с большими голубыми глазами. Она вызывающе смотрит на меня и улыбается.

Я не успеваю ничего сказать, а она подходит и целует меня в лоб. Вспышка, и я оказываюсь в театре, в первом ряду. Мне «рассказывают» пьесу: мужчина и женщина заперты в клетке, в плену у инопланетян. Постепенно они догадываются, где находятся, узнают, что их родная планета Земля исчезла и что, кроме них продолжить человеческий род некому. Они судят человечество, чтобы понять, заслуживает ли оно возрождения. В то же время героини пьесы, помимо воли ставшие подопытными кроликами, узнают, что инопланетяне похитили их, чтобы разводить, как домашних животных, на потеху своим детям. Они стоят перед вопросом – стоит ли возрождать человечество?

Я открываю глаза. Это был всего лишь сон. Девушка довольно улыбается. Наверное, это покровительница театра, но кто именно – Мельпомена, муза трагедии, или Талия, муза комедии? Ее маска ничего мне не говорит. Поразмыслив, я прихожу к выводу, что это, должно быть, Талия, так как пьеса о человечестве скорее забавна, чем грустна. Да и заканчивается она хорошо.

Я достаю из сумки «Энциклопедию относительного и абсолютного знания», наследство моего дорогого учителя Эдмонда Уэлса, и записываю сюжет пьесы на чистых страницах. Муза снова целует меня в лоб.

В моей голове раздаются три фразы. Советы писателю:

«Говори о том, что знаешь,
Показывай, а не объясняй,
Подсказывай, а не показывай».

Я принимаю совет.

Мои спутники тоже заняты. Каллиопа, муза эпической поэзии, тянет за руку Жоржа Мельеса. Полигимния, муза религиозных песнопений, уводит Фредди Мейера. Муза танца Терпсихора увлекает за собой Мэрилин Монро. Покровительница любовной поэзии Эрато нежно беседует с Матой Хари. Рауля выбрала Мельпомена, муза трагедии.

Талия ведет меня в свое жилище из красного мрамора. Я вхожу вслед за ней в комнату, в которой все напоминает о театре. В центре стоит огромная кровать, будто перенесенная сюда из комедии dell'arte, с балдахинном и позолоченными колоннами, которые увенчаны итальянскими масками.

На подиуме, обрамленном пурпурным бархатным занавесом, для меня, единственного зрителя, Талия разыгрывает пантомиму. Изображает счастье, горе и трагедию, которая завершается ликованием.

Сначала ее глаза подернуты поволокой, веки полуопущены, но вот во взоре ее вспыхивает радость. Я аплодирую.

Она низко кланяется в знак благодарности, спускается с подмостков, запирает дверь на ключ, прячет его под кровать и бросается мне на шею.

В предыдущей жизни, когда я был смертным, я не особенно интересовался театром. Меня отпугивала дороговизна билетов и необходимость заранее бронировать места. Я чаще ходил в

кино.

Талия снова целует меня в лоб, и в моем сознании опять проигрывается пьеса. Теперь я вижу ее более отчетливо. Я сажусь к столу и принимаюсь лихорадочно записывать.

Я пишу. Какое наслаждение писать диалоги. Сюжет выстраивается. Дело движется вперед.

Талия гладит мою руку, волна свежести накрывает меня. Все идет словно само собой. Персонажи начинают жить своей жизнью, слова, которые они произносят, принадлежат им самим. Я не сочиняю, а лишь описываю то, что вижу. Никогда еще я не творил с такой легкостью. Наконец я стал божеством в маленьком мире, где все мне подвластно. Я устанавливаю правила. Новая мысль посещает меня. Писателю можно дать еще один совет: «Если вы не хотите просто принять то, что готовит вам будущее, создайте его сами». В то же время я сознаю, что раньше, до того как я принялся писать эту пьесу, мне еще ни разу не удавалось выстроить отношения между живыми людьми.

Я целую музу в обе щеки, благодарю за помощь. Талия читает, склонившись над моим плечом, одобряет и показывает мне крошечный театр, который стоит на комодке. Муза передвигает несколько фигурок, изображая движения актеров. Она подсказывает, что я должен заняться и режиссурой. Здесь – объятия, там – сражение, тут – погоня, а в этом углу герои, как хомяки, будут крутиться в колесе, построенном по их росту.

Талия встряхивает белокурыми кудрями, ее аромат окутывает меня. Чтобы поддержать мои силы, муза наливает мне стакан меда, красного, как маки, на которых он настоян.

Я испытываю только одно желание, которое меня самого удивляет, – навеки поселиться здесь с музой и посвятить себя театру. Быть рядом с Талией, слышать ее смех, смех полного зала – вот чего я хочу здесь и сейчас. Неужели я заменил один наркотик другим? Отказался от власти над миром ради власти над актерами? Променил Афродиту на Талию? У музы театра есть преимущество перед богиней любви – от нашего союза рождается то, что превьше нас. Здесь действует известное уравнение $1 + 1 = 3$, которое было так дорого сердцу моего учителя Эдмонда Уэллса. Я пишу, и мне кажется, что до моего слуха доносится смех сотен зрителей. Талия целует меня.

Однако наши объятия прерывает не гром аплодисментов, а грохот двери, которую высадил плечом Фредди. Он хватает меня, выталкивает, вышвыривает вон из дворца.

– Эй, отстань! Ты что, с ума сошел?

Бывший раввин встряхивает меня за плечи:

– Ты еще не понял? Это ловушка!

Я тупо смотрю на него.

– Вспомни, как мы пересекали красные земли континента мертвых. Испытание, ожидавшее нас, было в то же время и искушением. Если ты останешься здесь, твой народ погибнет. И с восхождением на Олимп тоже будет покончено. Ты проиграешь и превратишься в химеру. Мишель, очнись!

– О какой опасности ты говоришь?

– Чем опасна липучка для мотылька? Ты навсегда здесь увязнешь!

Эти слова доносятся до меня словно издали, на пороге дворца появляется Талия, нежная и привлекательная.

– Вспомни Афродиту, – говорит Рауль. Один яд уничтожает действие другого.

Талия более не настаивает и машет, прощаясь. Я говорю ей:

– Спасибо. Однажды я напишу пьесу, которую ты показала мне. И еще много других.

Теонавты собираются вместе перед дворцами. Музы больше не пытаются соблазнить нас.

Мы смотрим друг на друга. Очень странная компания. Бывшая шпионка Мата Хари, которая спасла мне жизнь. Мэрилин Монро, звезда американского кинематографа. Слепой раввин

Фредди Мейер, здесь он вновь обрел зрение. Жорж Мельес, волшебник-авангардист, изобретатель спецэффектов для кино. Густав Эйфель, архитектор, подчинивший себе железо, и Рауль Разорбак, неукротимый покоритель континента мертвых.

– Ну ладно, с этим все, – говорит Мата Хари, ставя точку в конце нашего приключения в гостях у муз.

Мы уходим все дальше от строений из красного мрамора, оставляя позади свои творческие планы.

Никогда прежде я не задумывался над силой искусства. Я увидел таившийся во мне талант драматурга, и это открыло передо мной новые горизонты.

Итак, я способен оживить маленький искусственный мир, создав его из того, что подвернется под руку.

6. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: САМАДХИ

В буддизме существует понятие самадхи. Как правило, наши мысли текут в беспорядке. Мы забываем о деле, которым заняты, задумавшись о том, что случилось накануне, или пытаемся спланировать завтрашний день. В состоянии самадхи, полностью сосредоточившись на том, чем вы заняты в эту самую минуту, вы обретаете власть над собственной душой. На санскрите «самадхи» означает «единонаправленная концентрация сознания».

В состоянии самадхи чувственный опыт не имеет никакого значения. Человек теряет связь с материальным миром, со всем, к чему привык. Остается только одно стремление – к пробуждению (нирване).

К этому ведут три ступени.

Первая ступень – «Самадхи без образа». Нужно представить, что твой разум – ясное небо. Любые облака – черные, серые, золотые – это наши мысли, которые затмевают небосвод. Облака появляются вновь и вновь, но их следует отгонять, пока небо не станет ясным.

Вторая ступень – «Самадхи без направления». Это состояние, когда не хочется следовать тем или иным путем, нет больше никаких желаний. Нужно представить себе шар, лежащий на плоской поверхности, который остается неподвижным, несмотря на то что круг и может катиться.

И третья ступень – «Самадхи пустоты». В этом состоянии все равно. Нет ни зла, ни добра, ни приятного, ни неприятного, ни прошлого, ни будущего. Нет близкого, нет и далекого. Все подобно одно другому. И так как различия стерты, то и нет никаких причин испытывать к чему бы то ни было особые чувства.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

7. СМЕРТНЫЕ. 14 ЛЕТ

Олимпия, столица острова Эдем, сияет в ночи, напоенной свежестью. Слышна нескончаемая летняя песнь сверчков. Светлячки кружатся вокруг трех лун. Сильно пахнет мхом, все растения нетерпеливо ждут утренней росы.

Я возвращаюсь на виллу, не до конца избавившись от колдовского обаяния Талии. Творить, когда рядом находится женщина, внушающая тебе вдохновение, – какой новый, волнующий опыт!

Я принимаю ванну, чтобы восстановить силы, омываю тело и разум от приставшей к ним грязи. На этом острове происходит множество событий, потрясающих меня до глубины души. Необходимо постоянно избавляться от впечатлений, чтобы не дать им завладеть собой. Я боялся кентавров, сирен, Левиафана, грифонов, гигантского глаза, возникшего ниоткуда, а теперь оказывается, что куда опаснее обаяние юной музы.

Я вытираюсь, надеваю свежую тогу и, вытянувшись на диване, приступаю к одному из любимых занятий. Я собираюсь узнать, как дела у моих бывших подопечных. Включаю телевизор.

На первом канале – Юн Би, маленькая корейка, живущая в Японии. Ей 14 лет. Она ходит в школу, где обучают искусству японских гротескных комиксов – манга. Существуют строгие правила изображения лиц, движений, поз. Нужно рисовать огромные круглые глаза, чудовищных монстров, немного легкой эротики (но без откровенной наготы). Преподаватели высоко ценят Юн Би за необыкновенное чувство цвета и изящную прорисовку фона. Она постоянно грустит, но, когда рисует, чувствует себя свободной и даже иногда совсем забывает о своих печалях.

По второму каналу показывают Куасси-Куасси. Житель Берега Слоновой Кости учится играть на тамтаме. Отец объясняет, что удары ладоней должны совпадать с ударами сердца, тогда можно играть так долго, как захочется. Во время одного из уроков Куасси-Куасси обнаруживает, что его тамтам не просто барабан, но и средство общения без помощи слов. Он бьет в тамтам, стучит ладонями и чувствует, что попал в ритм своего отца. В ритм своего племени предков.

На третьем канале – остров Крит. Теотим теперь спортсмен. Приезжие девчонки, туристки, восхищены его грудными мышцами. У Теотима способности к парусному спорту и волейболу. Недавно он начал боксировать.

Короче говоря, у моих смертных ничего особенного не происходит. Я уже так привык видеть по телевизору кошмары, что даже забыл: жизнь, как правило, складывается из самых заурядных событий. Невозможно постоянно находиться в кризисе. Сейчас мои юные клиенты позволяют своим судьбам вершиться самим по себе, а времени идти своим чередом.

В дверь стучат. Я оборачиваю бедра полотенцем и открываю. На пороге кто-то высокий и длинноволосый. Первое, что я узнаю, – это запах. Неужели она почувствовала, что я стал меньше думать о ней? Она пришла. Лунный свет падает ей на плечи.

– Я не помешала? – спрашивает она.

А-фро-ди-та. Богиня любви. Великолепие и соблазн, воплотившиеся в одном существе. Я вновь чувствую себя ребенком. Опускаю глаза, потому что сила ее красоты ослепляет меня. Я забыл, какая она необыкновенная.

Надеваю тунику и приглашаю гостью войти. Она садится на диван. Мой взгляд все чаще останавливается на ней, приручает ее, я словно привыкаю смотреть на солнце без темных очков. В ее присутствии я захлебываюсь от чувств. Гормоны бурлят. Я вижу ее сандалии, золотые ленты, охватывающие икры. Ногти цвета розовых лепестков. Бедра, когда она меняет позу и край

красной тоги заворачивается. Я вижу янтарную кожу, золотые волосы, ниспадающие на красную ткань. Афродита взмахивает ресницами, ее развлекает мое волнение.

– Мишель, все в порядке?

Мои глаза наполнены тем, что я вижу перед собой, – воплощением чистой красоты. Боттичелли пытался изобразить ее. Если бы он только знал, какова она на самом деле...

– У меня для тебя подарок.

Афродита достает картонную коробку, в которой просверлены дырочки. Кто-то дышит там внутри. Я ожидаю, что она достанет котенка или хомяка. Но она достает нечто удивительное.

Трепещущее сердце, ростом не больше двадцати сантиметров, на ножках. На маленьких человеческих ножках. Сначала мне кажется, что это статуэтка, но сердце дрожит, если потрогать его. Оно теплое.

– Заводная игрушка? – спрашиваю я. Она гладит сердце на ножках.

– Я дарю их только тем, кого действительно люблю. Я отшатываюсь.

– Живое сердце!.. Какой ужас!

– Это олицетворенная любовь. Мишель, тебе не нравится? – удивляется она.

Кажется, живое сердце почувствовало, что мы говорим о нем, и сжалось.

Афродита гладит его, словно успокаивает котенка.

– Сердцам нравится, когда их дарят. У этих химер нет глаз, ушей и мозгов, но они все-таки обладают каким-то крошечным рассудком. Разумом сердца! Они хотят, чтобы кто-нибудь взял их себе.

Продолжая говорить, она медленно подходит ко мне. Я не шевелюсь.

– Каждое живое существо хочет, чтобы его любили. Все остальное не имеет никакого значения.

Богиня любви подходит вплотную, крепко прижимается ко мне. Я чувствую, как мягка ее кожа. Мне так хочется поцеловать ее, но она прижимает указательный палец к губам.

– Ты знаешь, что для меня ты самый главный человек, – говорит она.

Афродита проводит рукой по моему лбу. В этом жесте слишком много материнской ласки.

– Я люблю тебя, но... я не влюблена. По крайней мере, пока не влюблена. Чтобы это случилось, ты должен разгадать загадку.

Она берет мои руки, гладит их.

– Прежде чем стать богиней, я была смертной. У меня были необыкновенные родители. Это они научили меня любить так сильно. Я хочу, чтобы между нами было нечто истинное, великое. Настоящую любовь нужно заслужить. Если ты хочешь, чтобы я воспылала к тебе страстью, тебе придется совершать чудеса. Найди отгадку. Я напомню тебе вопрос: «Лучше, чем Бог, страшнее, чем дьявол. Есть у бедняков, нет у богатых. Если это съесть, можно умереть».

Она целует мои пальцы, прижимает мою руку к своей груди. Потом подхватывает сердце, которое ждет, когда на него обратят внимание.

– Мне очень жаль, сердечко! Похоже, ты не понравилось моему другу.

Афродита подмигивает мне.

– ...либо его интересуешь вовсе не ты!

Сердце дрожит от волнения.

Я вновь пытаюсь обнять ее, но она ускользает от меня.

– Мы, конечно, можем заняться любовью, если ты так этого хочешь, но ты получишь только мое тело, не душу. И мне кажется, ты будешь скорее разочарован, чем счастлив.

– Я готов на все.

В ее взгляде усмешка и удивление.

– Многие умерли от печали или покончили с собой из-за любви ко мне, но тебе я не желаю

зла. Даже наоборот.

Афродита глубоко вздыхает.

– Теперь мы связаны навеки. И если ты поведешь себя правильно, быть может, нам суждено пережить великое блаженство.

Она встает, оборачивается, обнимает меня, забирает живое сердце и уходит.

Я стою совершенно ошеломленный. Вдруг мне приходит в голову странная мысль: а что, если это было сердце одного из ее отвергнутых поклонников?

Одного из тех, кого она «любила, но в кого не была влюблена»? Мои щеки пылают. Никогда еще я не был в таком смятении. Конечно же, это она сама страшнее дьявола, лучше, чем Бог... и если я ее получу, то умру.

Я вздрагиваю – в дверь снова стучат, на этот раз громче. На пороге Фредди, всклокоченный, с перекошенным лицом. Ему с трудом удается выговорить:

– Скорее, Мэрилин пропала!

Я срываюсь с места. Мы поднимаем на поиски соседей, друзей. Проверяем все улицы и переулки Олимпии, знакомые и незнакомые кварталы. Сатиры, херувимы, кентавры вместе с нами обыскивают кусты, разросшиеся вокруг статуй и памятников.

– Мэрилин! Мэрилин!

Меня душит то же самое чувство, какое я испытывал в прошлой жизни, когда видел объявления о пропавших детях. На фотографиях, обработанных компьютером, мальчики и девочки всегда выглядели старше своих лет. Под снимком – телефон родителей. По радио и телевидению похитителей умоляли выйти на связь. Но никто и никогда больше не видел этих детей. Плакаты на стенах выцветали, проходило время, и о детях забывали.

– Мэрилин! Мэрилин!

Мы прочесываем город. Я останавливаюсь у большой яблони на главной площади, когда передо мной появляется едва заметное существо. Это маленькая химера, которую я называю сморкмухой. Девушка-бабочка двадцати сантиметров ростом нервно взмахивает длинными синими крыльями. Снова и снова пытается что-то объяснить жестами. Она хочет, чтобы я шел за ней, тянет меня в сторону северных садов. В огромных, украшенных скульптурами фонтанах журчат медно-красные воды.

– Ты знаешь, где Мэрилин?

Сморкмуха летит зигзагами. Я иду за ней. Странное маленькое существо, одно из первых, кого я встретил на Эдеме. Надо будет все-таки разобраться, что же связывает меня с этой принцессой-бабочкой.

Мы идем садами все дальше и дальше. И вдруг я замечаю сандалию в зарослях гладиолусов. Дальше – женская нога, тело, сжатая в кулак рука, поднятая к небу. Стоны Мэрилин больше похожи на рев раненого животного, чем на человеческий крик.

Я падаю на колени, раздвигаю цветы и отшатываюсь при виде чудовищной дымящейся раны, разворотившей ей живот. Сколько же раз будет погибать эта душа?

Вокруг пустынно. Никого, кроме сморкмухи и меня. Я хватаю сухую ветку и поджигаю ее вспышкой из анкха. Мне нужен факел. Освященное лицо самой знаменитой актрисы мира потрясает меня. Лишь бы только не было слишком поздно! Я зову на помощь.

– Она здесь! Сюда! Все сюда!

Я размахиваю пылающей веткой. Актриса открывает глаза, она еще жива. Мэрилин видит меня и шепчет:

– Мишель...

– Мы спасем тебя. Не волнуйся, – говорю я. Мне не хватает смелости смотреть на ее ужасную рану. Она что-то бормочет, улыбаясь через силу.

– Любовь – как шпага, юмор – как щит.

– Кто это сделал?

Она хватается мою руку, сжимает ее.

– Это... это богоубийца.

– Конечно, богоубийца. Но кто он?

– Это... это...

Она останавливается, смотрит на меня широко открытыми глазами. И на последнем вздохе шепчет:

– Это Ль...

Ее взгляд меркнет, рука разжимается и падает, речь обрывается.

Вокруг уже собралась толпа. Фредди тоже здесь. Он сжимает в объятиях труп любимой.

– Н-Е-Е-Е-Е-Е-Т!!!

В его руках Мэрилин поникла, словно тряпичная кукла.

– Она успела назвать убийцу? – спрашивает Рауль.

– Она сказала только «это... это...», и еще мне кажется, но я не уверен, что она сказала «ль» или «эль».

– Как Бернар Палисси. Он тоже сказал только «Это ль...», – замечает Мата Хари.

Рауль вздыхает.

– «Это» может означать все, что угодно. «Это» дьявол, «это» бог войны, это может быть даже женщина.

– «Эль» – одно из имен Бога на иврите, – говорит Жорж Мельес.

– Может быть, она хотела сказать «это летает»? – высказывает предположение Сара Бернар.

Странно, но гибель Мэрилин уже не волнует меня. Может быть, потеряв своего наставника Эдмонда Уэллса, я смирился с мыслью, что все мы, один за другим, будем убиты? «Ничто не вечно здесь...»

– Обратный отсчет: $84 - 1 = 83$. Осталось только 83 ученика. Кто следующий?

Это говорит Жозеф Прудон. Мы не обращаем на него внимания.

– Нужно понять, что было общего между жертвами, – предлагает Мата Хари.

– Очень просто, – заявляет Рауль. – Убивают только лучших учеников. Беатрис и Мэрилин входили в тройку лучших, когда на них напали.

– Кому выгодно убивать лучших?

– Худшим, – тут же отвечает Сара Бернар, указывая на французского анархиста, который удаляется с совершенно безразличным видом.

Мне вспомнился один класс в лицее, когда я еще был смертным и жил в своей последней телесной оболочке на «Земле-1». Самым слабым ученикам доставляло удовольствие травить тех, кто учился лучше. Они изолировали их от остального класса и нападали. Учителя не осмеливались вмешиваться, боясь, что хулиганы в отместку проткнут шины их машин или нападут на них самих. Они даже ставили хорошие оценки членам банды. Это была «власть разрушения». Все предпочитали уступить, лишь бы их не трогали.

– Это также может быть выгодно сильному ученику, который хочет во что бы то ни стало вырваться вперед и обойти других, – снова подает голос Мата Хари. – Он убивает тех, кто мешает ему совершить финальный рывок.

– У кого сейчас лучшие оценки?

Мата Хари вспоминает, кого наградили на последнем занятии.

– Лидирует Клеман Адер, за ним я ex-aequo^[7] и...

– Прудон, – подсказывает Рауль.

Имя анархиста не выходит у нас из головы. Он был так невозмутим, так холодно бросил:

«Обратный отсчет...»

– Нет, считать виновным Прудона слишком просто, – возражает Жорж Мельес. – Он может устранить соперников в игре, зачем ему рисковать, убивая вне ее?

Шум крыльев заставляет нас посмотреть вверх. Афина, прилетевшая на крылатом коне, приземляется, спрыгивает на землю, и вот уже ее сова кружит над нами. Мы молчим. Богиня справедливости говорит громко и решительно.

– Богоубийца снова бросил нам вызов, и гнев богов велик, – вещает она.

Она подходит к труп. Уже появились кентавры. Они отталкивают Фредди, который сжимает в объятиях тело возлюбленной, забирают Мэрилин Монро, кладут ее на носилки и набрасывают сверху покрывало.

– Мы считаем, что держать мир на плечах вместо Атланта – слишком легкое наказание для убийцы, который находится среди вас. Ведь Атлант в конце концов привык к этому. Есть более суровая кара. Я долго думала и нашла. Виновный понесет то же наказание, что и Сизиф. Он будет вечно катить камень на вершину горы.

В толпе раздался ропот.

Помнится, нацисты, вооружившись подобной идеей, изобрели пытку бесполезным трудом. В концентрационных лагерях они заставляли людей бесцельно катать по кругу огромные бетонные блоки или перетаскивать с места на место груды камней. Любой, даже самый тяжелый труд, можно вынести, если он осмыслен. Но если он подавляет разум...

– У вас будет возможность яснее представить себе, что это за наказание. Вы сами все увидите. Основной курс закончен, остались факультативы. Один из них ведет как раз Сизиф.

Богиня вскакивает на Пегаса и возвращается на вершину Олимпа. Рядом со мной стоит Фредди, только что потерявший свою звезду-возлюбленную. Он раздавлен горем, с трудом стоит на ногах. Мы поддерживаем его под руки.

– Будь уверен, – шепчет Рауль, – мы найдем ее. Раввин не отвечает. Мой друг объясняет, что в эту минуту актриса уже наверняка превратилась в химеру. Но, даже став лирохвостом, единорогом или сиреной, она все равно осталась на острове. В соответствии с принципом, который открыл Антуан Лавуазье, «ничто не исчезает бесследно, ничто не возникает ниоткуда, все лишь переходит в иное состояние».

8. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Если на всю историю человечества отвести одну неделю, то день будет равен 660 миллионам лет.

Представим же себе, что наша история начинается в понедельник. В 0 часов возникает огромный шар, Земля. В понедельник, вторник и утром следующего дня ничего не происходит. Лишь в полдень среды появляются первые формы жизни – бактерии.

Четверг, пятница и утро субботы – бактерии стремительно множатся и медленно развиваются.

В субботу, во второй половине дня, около 16 часов, появляются первые динозавры, а пять часов спустя уже исчезают. Более мелкие и слабые животные беспорядочно распространяются по Земле, рождаются и умирают. Остается лишь несколько видов, случайно выживших после череды природных катаклизмов.

В субботу же, без трех минут полночь, появляется человек. За четверть секунды до наступления полуночи возникают города. За сороковую долю секунды до полуночи человек сбрасывает первую атомную бомбу и взлетает с Земли, чтобы впервые ступить на Луну.

Нам кажется, что наша история длится невероятно долго. На самом деле мы, «новейшие мыслящие животные», появились лишь за сороковую долю секунды до окончания недели, в течение которой существует наша планета.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

9. СОН О ДЕРЕВЕ

Пробуждение было нелегким. Этой ночью мне снилось, что я шел по переливающейся огнями улице Нью-Йорка, меня толкали люди, куда-то шагавшие и бежавшие. Я спрашивал прохожих: «Кто-нибудь знает меня? У кого-нибудь есть хоть какая-то информация обо мне? Кому известно, кто я и почему здесь?» Взобравшись на крышу машины, я кричал: «Кто знает, кто я такой и почему существую вместо того, чтобы обратиться в ничто?» Кто-то останавливался и кричал мне в ответ: «Я тебя не знаю, но, может быть, ты знаешь что-то обо мне?» Тогда все начали спрашивать друг друга: «Ты не знаешь, кто я? А ты? Не знаешь ли ты, почему я живу? Кто владеет информацией?» Тогда появился Эдмонд Уэллс и сказал: «Разгадка в дереве». Он указал мне на огромную яблоню, которая росла посреди Олимпии. Я подошел к ней, погладил кору и оказался внутри – дерево будто вдохнуло меня. Я превратился в белый растительный сок. Я бежал к корням и пировал, насыщаясь микроэлементами. Потом стремился вверх, поднимался по стволу к ветвям, достигал листьев, заполнял тонкие зеленые прожилки, впитывал свет и вновь спускался, чтобы распространиться по всему дереву. Я был жидким. Я наполнял собой дерево от корней до самых верхних, тонких веточек.

Целый ряд образов прошел передо мной. Растительный сок сгущался в комки, клетки, в людей. Я видел, что корни дерева были прошлым человечества, а тонкие ветки – будущим. Я перетекал в ветвях кроны, перемещаясь из одного возможного будущего в другое. Я поднимался вверх и вновь тек вниз. Менял грядущее, выбрав иную развилку ветвей. И я видел последствия каждого выбора. Плоды превращались в сферы, в каждой из них был заключен новый мир. Это было похоже на то, что я видел дома у Атланта.

Я просыпаюсь, тру глаза. Станный сон. Я утомлен и совершенно не в состоянии идти сегодня на занятия. Разве в моем возрасте ходят на лекции? Мне вспоминается вчерашний разговор с Афродитой. Кажется, я понимаю, как столь сложное существо смогло околдовать, подчинить себе такое множество людей. Нужно подумать о чем-то другом. Я решаю попытаться снова заснуть.

Лишь только я закрываю глаза, как снова оказываюсь внутри дерева. Я вновь стал растительным соком, меня ожидают новые внутридревесные приключения. Вдруг пронзительные звуки заставляют меня вынырнуть на поверхность. Звонят утренние колокола. Какой сегодня день? Суббота. Завтра воскресенье, можно будет проспаться до обеда.

Покорно встаю, тащусь к зеркалу. Вот этот тип с серым лицом, заросшим щетиной, – я. Умываюсь холодной водой, чтобы проснуться, и совершаю другие привычные действия – принимаю душ, бреюсь, одеваю тогу. Иду завтракать в Мегарон. Кофе, чай, молоко, джем, рогалики, булочки, тосты. Фредди молчит, похоже, он чего-то ждет.

– Что станет с женщинами-осами без Мэрилин Монро? – спрашивает Мата Хари.

– Что станет со всеми нами? – подхватывает Сара Бернар. – Мэрилин больше нет, кто теперь остановит Прудона? Его армия огромна и мощна. Он может по очереди захватить всех нас.

Густав Эйфель и Сара Бернар вновь начинают обсуждать возможность союза, чтобы защитить нас от войск анархиста. Рауль выглядит озабоченным.

– Если мои люди-орлы отважатся подняться в горы, я скорее всего отобьюсь. Будем сбрасывать камни либо заблокируем перевалы. Сам я не буду спускаться в долину, чтобы сразиться с ордой Прудона, особенно теперь, когда он применяет новую тактику – выпускает вперед рабов, чтобы прикрыть себя, и дожидается, когда противник истощит запас стрел.

– Откуда Прудон узнал об этом приеме?

– Кажется, средневековые китайские полководцы уже пользовались живым щитом, – ответил я, вспомнив, что читал об этом в «Энциклопедии». – Еды рабам давали ровно столько, чтобы они дожили до ближайшего сражения. Затем их выталкивали вперед и использовали как прикрытие.

– До чего же китайцы, должно быть, презирали себе подобных, – вздыхает Сара Бернар.

Мы разрабатываем стратегию. Люди-лошади Сары Бернар и люди-тигры Жоржа Мельеса пока находятся слишком далеко от тех мест, где свирепствуют люди-крысы Прудона. Бессмысленно заставлять их выступить в поход, чтобы слиться в единую великую армию.

– Впрочем, Прудона больше всего занимают женщины-осы. Пока он с ними будет разбираться, мы что-нибудь придумаем.

– А если он захватит всю планету? – спрашивает Густав Эйфель.

Сара Бернар сухо отвечает:

– Тогда женщины навсегда попадут в рабство. Вы видели, как люди-крысы обращаются со своими женами, сестрами и дочерьми?

– И что они делают с чужаками, – добавил Жорж Мельес.

– Какой противоречивый характер, – замечает Мата Хари. – Прудон проповедует мир «без бога и господина» и в то же время готовится к установлению тирании в масштабах планеты. Тирании, основанной на насилии и кастовости.

– Злом противостоят злу – известный принцип, – напоминает Жорж Мельес.

Сара Бернар добавляет:

– Он борется против фашизма фашистскими методами – насилием, ложью, пропагандой.

– В политической игре крайние правые не всегда противники крайних левых. Как правило, радикалы всегда объединяются в борьбе против центра, – говорит Жорж Мельес. – Любые «экстремисты» всегда обращаются к одной и той же аудитории – к завистливым, озлобленным людям, к националистам, реакционерам. Во имя «высших идеалов» они действуют как вооруженные бандиты, прибегают к неограниченному насилию, демагогии и пропаганде, основанной на лжи.

Никто не решается возразить, но я чувствую, что не все на стороне Мельеса. В частности, Рауль. Мне прекрасно известно, что он всегда считал, что центр слишком безволен, а правому и левому крылу давно пора как следует встряхнуть его.

– У экстремистских партий даже идеалы сходны, – поддерживает Мельеса Сара Бернар. – Обычно все начинается с того, что женщин отстраняют от политики. Это первый симптом. Затем наступает черед интеллигентов и всех, кто представляет угрозу для власти.

Мы смотрим на Прудона, который сидит за столом в одиночестве. Он обдумывает свой следующий ход.

10. МИФОЛОГИЯ: СИЗИФ

Его имя означает «премудрый». Сизиф – сын Эола, супруг плеяды Меропы, которая была дочерью Атланта. Считается основателем Коринфа. Войско Сизифа держало под контролем Коринфский перешеек, нападало на путешественников и грабило их. Таким образом пополнялась военная казна и было положено начало процветанию Коринфа. Позднее Сизиф оставил разбой и занялся мореплаванием и торговлей.

Однажды Зевс похитил Эгину, дочь речного бога Асопа, и спрятал ее в Коринфе. Сизиф открыл несчастному отцу имя похитителя, и Асоп в благодарность подарил городу неиссякаемый источник. Однако Зевс не простил предательства и приказал Танатосу, богу смерти, наказать Сизифа – обречь его на вечные муки.

Танатос явился, чтобы заковать Сизифа в цепи, но хитрец убедил его самого испытать, прочны ли оковы. В результате бог смерти оказался в цепях. Пока Танатос томился в заточении, царство мертвых обезлюдело.

Разгневанный Зевс отправил бога войны Ареса освободить Танатоса и схватить чересчур хитроумного правителя Коринфа.

Но Сизиф не собирался сдаваться. Он притворился, что подчиняется Аресу, но, отправляясь в царство мертвых, приказал жене не хоронить его. В Аиде Сизиф получил разрешение вернуться на три дня в мир живых, чтобы наказать жену, оставившую его тело без погребения.

Оказавшись в Коринфе, Сизиф отказался возвращаться в царство мертвых. На этот раз Зевс обратился к Гермесу, чтобы тот силой вернул Сизифа в Аид. Судьи подземного царства решили, что такое своеволие должно быть примерно наказано. Они придумали для Сизифа особую кару: он должен вечно поднимать на гору огромный камень, который, достигнув вершины, тут же срывается и катится вниз по другому склону, так что все приходится начинать сначала. Когда Сизиф пытается отдохнуть, Эриния, дочь богини ночи Нюкты и Кроноса, призывает его к порядку ударами бича.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V со слов Франсиса Разорбака, см. также Гесиод, Теогония, 700 г. до Р. Х.

11. ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДОВ

На улочках Олимпии становится оживленно. В небе парят грифоны, похожие на упитанных городских голубей. Только эти голуби не воркуют.

Восемьдесят три оставшихся в живых ученика в белых тогах встречаются, приветствуют друг друга, подбадривают.

Длинной вереницей мы подходим к Елисейским Полям, чтобы отправиться на очередную лекцию, но ворота заперты. Появляется ора. Она ведет нас на юг Олимпии, в квартал, где живут Младшие боги.

Я плохо знаю эту часть города. Дома здесь весьма разнообразны по виду. Они не так поражают воображение, как дворцы богов, но и не так одинаковы, как дома, где живут ученики. Попадаются здания, выстроенные с соблюдением классических пропорций, похожие на учреждения. Наверное, нужно немало служащих, чтобы управлять таким большим городом.

Ора ведет нас к зданию в коринфском стиле, напоминающему величественную античную виллу. По обе стороны от входа мраморные колонны и позолоченные скульптуры. На стенах барельефы с изображениями древних и современных городов.

Мы переступаем порог и оказываемся в учебном зале со стенами кирпичного цвета. На стеллажах множество небольших макетов – это города разных времен и народов.

Справа установлен большой макет с холмами и реками, похожий на декорации для игрушечной железной дороги. По левую сторону невысокие подставки с макетами под стеклянными колпаками. На стенах, как плакаты, развешаны планы разных городов.

Мы слышим скрежет, выходим на улицу и видим, как к нам приближается человек, который с трудом толкает перед собой огромный каменный шар. Маленькая крылатая женщина с черными волосами и костлявым лицом вьется над ним и бьет его бичом.

Бывший правитель павшего Коринфа оставляет свою ношу у входа в зал. Эриния позволяет ему отдохнуть от наказания. Сизиф благодарит ее, входит, волоча ноги, и поднимается на возвышение. Садится в изнеможении и краем изодранной тоги утирает пот, струящийся со лба. Все его тело покрыто синяками.

– Прошу прощения, – говорит он, стараясь отдышаться.

Повисает пауза. Сизиф, морщась от боли, разглядывает нас. Наконец на его измученном лице появляется бледная улыбка.

– Рад видеть вас. Благодаря вам я могу немного отдохнуть.

Одна ученица хочет подать ему стакан воды из кулера, но Эриния отталкивает ее. Сизиф просит нас воздержаться от подобных порывов.

– Итак, меня зовут Сизиф, я ваш новый преподаватель на Эдеме.

Он, как это принято, пишет на доске свое имя.

– Я Младший, а не Старший преподаватель. И я познакомлю вас с одним из важнейших для демиурга понятий. Вы узнаете, что такое город.

Сизиф свистит в два пальца. Снаружи снова раздается шум. В зал, отдуваясь, входит Атлант. Он тащит на плечах огромный шар диаметром в три метра. Это наше учебное пособие, «Земля-18».

В стеклянной сфере находится «Земля-18», планета, населенная нашими народами. Пусть это всего лишь трехмерная копия настоящей планеты, затерянной в космосе, но мы взволнованно смотрим на «нашу Землю», покрытую океанами, континентами, лесами и горами, озерами и городами, на маленьких человечков, которые кишат на ее поверхности. Нам не терпится рассмотреть ее в увеличительные стекла, которыми снабжены наши анкхи.

Опустив ношу на подставку, титан утирает лоб. Сизиф подходит к нему. Герои обнимаются, во взгляде обоих сквозит грусть. Они, вероятно, считают себя жертвами несправедливости, но смирились со своей участью.

– Держись, мой мальчик, – говорит титан. Шепот пронесется по классу. Мы счастливы, что вновь видим планету, на которой теснятся наши маленькие смертные народы. Нам интересно узнать, как они прожили без нас эту ночь.

Сизиф смотрит вслед титану, который уходит, потирая поясницу. Затем Младший бог выдвигает ящик письменного стола и достает анкх. Он включает прожектор над планетой и внимательно изучает наше «творение». Поднимается на скамеечку, чтобы оказаться на уровне экватора.

– Дело движется, да, – объявляет он. – Однако чувствуется неопытность демиургов – войны наспех, религии из чего попало.

Мы ожидали услышать более лестный отзыв.

– Очень немногие потрудились разработать долгосрочную стратегию. Цивилизации, которые я вижу, развиваются исключительно под воздействием страха.

Ученики перешептываются.

– Как избавиться от власти страха?

Сизиф ждет. Наконец он решает сам ответить на свой вопрос.

– Объединяясь, защищаясь, собирая силы. Некоторые из вас уже сделали это, но их сообщества находятся на самой начальной стадии развития. Итак, в первую очередь я расскажу вам о ключевом понятии, необходимом для продолжения игры.

Он пишет на доске слово «Город».

– Краткое изложение предыдущих событий. Сначала вы имели дело с ордами кочевников, затем с ордами, которые прятались в пещерах, с неорганизованными толпами, селившимися в стоящих рядом хижинах, затем в поселениях, деревнях, окруженных изгородью, и в селах, обнесенных стеной. Теперь пора строить красивые большие города.

На доске появляется новое слово: «Цивилизация».

– «Цивилизация» происходит от латинского слова *civis*, город. Принято считать, что человек стал цивилизованным, когда начал строить города. Монголы, например, городов не строили, поэтому монгольской цивилизации как таковой не существует. Мы еще поговорим об этом.

Сизиф снова садится за стол и хмурится.

– Для начала посмотрим, какие города уже существуют у всех ваших народов, и попробуем понять, какие из них находятся на пике развития, какие в застое, а какие пришли в упадок.

Склонившись над «Землей-18», прикинув к увеличительным стеклам анкхов, мы ищем города на нашей планете. Самым значительным, бесспорно, является столица людей-скарабеев Клемана Адера. За ним следует столица людей-китов Фредди Мейера. Два прекрасных города с множеством великолепных зданий и садов. Там есть огромные зернохранилища, поэтому люди могут не бояться голода.

– Известно, что сначала быстрее развивались города, построенные на холмах, – комментирует преподаватель. – Почему?

– Потому что там воздух чище, – выдвигает предположение Симона Синьоре.

– Потому что высота – лучшая защита в случае осады, – говорит Рауль, который основал свой город высоко в горах.

Сизиф качает головой.

– Разумеется, но со временем, как вы видите, строительство укрепленных городов на возвышенных местах заводит в тупик. Почему?

Руку поднимает Анри Матисс, бог людей-слонов:

– Там холодно.

– Город, обнесенный стеной, не может расти. Строить можно только вверх, как в овраге, – говорит Осман.

Сизиф кивает и направляет анкх на город людей-волков Маты Хари, которым из-за роста населения пришлось строить жилища за стенами города и возводить вокруг них вторую стену для защиты от внешних врагов. Город окружен отвесными склонами, которые препятствуют его дальнейшему расширению.

– Что еще можно сказать?

– В случае нашествия захватчиков крестьяне, живущие в долине, спешат укрыться в городских стенах. Враг тут же разоряет брошенные поля, – отвечает Сара Бернар.

– Еще! Продолжайте искать, думайте! – подбадривает нас бывший правитель Коринфа.

– Пищу и воду в город людям приходится тащить на себе или везти на ослах. Горожане становятся зависимыми от жителей равнины, – высказывается Рауль. Добраться до города его людей-орлов особенно трудно.

– И?..

– Перевозчики и носильщики требуют высокой платы за свои услуги. То, что в долине стоит 10 монет, при подъеме на высоту дорожает в пять раз.

Мария Кюри говорит, что уже столкнулась с подобными проблемами и собирается перенести город своих людей-игуан из ущелья в долину.

– Итак, мы видим, как ограничены возможности роста городов, расположенных на возвышенностях. Так каким же городам, по вашему мнению, уготовано светлое будущее?

– Тем, которые расположены в лесу, – вступает Жан-Жак Руссо, бог людей-индюков.

Сизиф качает головой.

– Время собирательства и охоты прошло, – напоминает он. – В лес трудно доставлять товары и припасы. Из города, окруженного лесом, трудно увидеть приближающегося противника.

– Зато дерево для строительства домов очень дешево, – не сдается Руссо, которого волнует эта тема.

– После первого же большого пожара вам придется отказаться от деревянных домов. Намного выгоднее строить вблизи каменных карьеров.

Мы продолжаем искать другие варианты.

– Города среди равнины? – выдвигает предположение Вольтер, не желая отставать от остальных.

– Кочевники без труда захватят такой город. Вы видели, что большинство городов, построенных на равнинах, были легко обнаружены и подверглись нападению.

– Города на берегу моря? – спрашивает Эдит Пиаф.

– Разумеется, город, построенный на побережье, трудно взять в кольцо, но он может пострадать от нападения пиратов. Жителям придется постоянно следить за тем, что происходит на море.

Я не вмешиваюсь, хотя прекрасно помню об одном нападении с равнины, когда море оказалось единственным путем к спасению.

Бруно, бог людей-коршунов, категорически настаивает на том, что чувствовать себя в безопасности можно только среди пустыни.

– В пустыне приближение врага видно издалека. Кроме того, во время осады противнику неоткуда пополнить запасы и негде напиться.

– Но осажденные также будут голодать, – возражает Сизиф. – Так как же построить

защищенный город, в котором можно спокойно жить и который при этом не будет загнан на гору, в пустыню или прижат к морю?

Я поднимаю руку.

– Нужно строить на острове, – говорю я.

– Остров отрезан от всего, это тормозит развитие торговли и увеличивает количество браков между родственниками. Остров – слишком замкнутый мир. Однако вы на верном пути. Речь идет не об острове посреди моря, а...

– Об острове посреди реки, – догадывается Мата Хари.

Бывший царь Коринфа кивает.

– Совершенно верно! Остров посреди реки. Вот пример с «Земли-1».

Он разворачивает карту Франции на «Земле-1» и указывает на Париж, город, выросший на острове посреди реки, на Лион, Бордо, Тулузу.

– Это французские города, ведь на вашем курсе только французы, но можно было бы привести в пример Лондон, Амстердам, Нью-Йорк, Биджинг^[8], Варшаву, Санкт-Петербург, Монреаль. Почти все современные крупные города «Земли-1» были основаны на речных островках.

Я рисую на столе очертания острова, расположенного посреди реки, и вдруг замечаю надпись, которая потрясает меня до глубины души. Наверное, кто-то из предыдущего выпуска нацарапал ее анкхом: «Спасем “Землю-1”, это единственная планета, где есть шоколад».

Я пытаюсь сосредоточиться. Почему выгодно строить город на острове посреди реки?

– Вода образует естественную преграду. Лошади не могут преодолеть ее. Пешая атака также невозможна, – говорит прагматичный Рауль.

Поднимаются еще руки.

– Трудно осадить город, со всех сторон окруженный водой.

– Жителей нельзя оставить без воды.

– Вода проточная, ее невозможно отравить.

– В случае опасности по реке легче бежать, – подсказывает Сара Бернар.

Еще один ученик добавляет:

– Осаждающим придется контролировать реку вверх и вниз по течению, иначе корабли смогут подвозить в город припасы и подкрепление, а если он будет взят, предводителям осажденных удастся бежать.

Сизиф напоминает:

– На войне свет клином не сошелся.

– В реке можно стирать, – говорит Эдит Пиаф.

– Река способствует обороту товаров, развитию торговли, – заявляет Рабле. – Город на реке может обложить налогами торговые корабли, взимать пошлину за проезд.

Наш преподаватель одобрительно кивает.

– По реке можно отправлять экспедиции на поиски новых месторождений, областей, которые можно завоевать, и народов, с которыми можно начать торговлю, – добавляет Руссо.

– Благодаря речной торговле и пошлинам, город будет процветать и сможет при необходимости вербовать наемников или заключать союзы. Возможно, именно поэтому на гербе Парижа изображен корабль синдиката речных судовладельцев, – напоминает Осман, хорошо знающий историю города, в реконструкции которого принимал участие.

– По мере того как город, не ограниченный стенами, будет расти, он сможет перекинуться на берега реки, – подчеркивает Эйфель, ясно представляющий себе развитие столицы Франции, выплеснувшейся с острова на берега и занявшей всю низину Парижского бассейна.

Сизиф просит тишины. Из соседнего зала он приносит макеты городов на больших досках,

расставляет их у себя на столе и подзывает нас. Каждый макет подписан. Это миниатюрные копии главных метрополий древней «Земли-1»: Афин, Коринфа, Спарты, Александрии, Персеполя, Антиохии, Иерусалима, Фив, Вавилона, Рима. Остановившись у каждого макета, Сизиф просит нас назвать преимущества и недостатки изображенного города, определить, достаточно ли широки улицы, разумно ли спроектированы площади.

– Рынок – это сердце города, значит, к нему должны вести широкие, удобные проспекты, – дает он первую подсказку.

И продолжает, указывая, на другую часть города:

– Широкая улица часто соединяет рынок с зернохранилищами и складами, где хранятся товары и продукты питания. Склады должны находиться у городских ворот, чтобы большие повозки не тянулись через весь город и не мешали движению.

Сизиф указывает на самые уязвимые точки города.

– Город можно представить себе как огромный живой организм, который поглощает пищу, переваривает ее и избавляется от экскрементов.

Очень яркий образ. Сизиф продолжает:

– Ворота – это рот города, рыночная площадь – желудок, городская свалка – анус. Избавление от отходов или их переработка – дело, требующее постоянного внимания. Если этим не заниматься, улицы не только наполнятся зловонием, но и станут рассадниками болезней, которые переносят крысы, тараканы и мухи.

Сизиф показывает нам стойбище монгольских кочевников.

– Когда ваши народы были неорганизованными стадами, они жили под открытым небом, и вчерашние отбросы оставались на вчерашней стоянке. Но, когда люди начинают жить взаперти, отходы скапливаются повсюду. Если о них забыть, они тут же напомнят о себе вонью.

Мы записываем.

– Вы должны также подумать о цистернах для сбора дождевой воды, которые станут частью системы водоснабжения, о сточных канавах или канализации. Это фильтрационный механизм, почки города.

Преподаватель вновь склоняется над макетами древних городов.

– Город – это не только пищеварительная, но и нервная система. Царский дворец или мэрия – это мозг.

Он показывает нам множество макетов дворцов и замков, в которых жили главы государств.

– Сбор налогов – это легкие, доставляющие кислород мозгу, который решает, как их распределить.

Правитель Коринфа знакомит нас с налоговыми органами, которые были в разные времена у разных народов.

– Этот кислород – деньги – поступает и к мускулам – каменщикам и строителям, и к страже, глазам, которыми город смотрит вокруг; к ремесленникам и рабочим, благодаря которым функционируют заводы и прочие органы; к земледельцам, которые собирают урожай в окрестных полях.

Измученный Сизиф с трудом ходит между рядами макетов.

– Необходима также система защиты, нечто вроде иммунитета, который оберегает город от внешней и внутренней агрессии. Это полиция, которая избавляет от вредных элементов, представляющих угрозу для всего организма. Они должны быть обезврежены, чтобы не заразить других. Их изолируют от общества – сажают в тюрьмы. Не забудьте их построить.

Младший преподаватель идет дальше, продолжая объяснения.

– Еще одна система безопасности – пожарные. Они тушат пожары. Наконец, военные, которые защищают город от внешних вторжений так же, как организм борется с проникающими

извне микробами.

Преподаватель подходит к стеллажам и снимает с полок несколько миниатюрных строений.

– Храм может стать сердцем города. Он обеспечивает единство настроений общества.

Сизиф показывает нам храмы, построенные разными народами на протяжении человеческой истории, – от типа индейцев навахо до готических соборов.

– Школы и возникшие позже университеты соответствуют половой системе, создающей новых граждан. Они передают память поколений, ценности, культуру.

Царь Коринфа расставляет на макете маленькие домики.

– В городах люди больше общаются, но их жизненное пространство сужается. Раньше, если вам не нравились соседи, можно было просто откочевать в другое место. Теперь приходится терпеть друг друга. Возникает особое понятие: сосед.

Всем нам вспоминаются наши соседи на «Земле-1». У меня перед глазами встает совет совладельцев моего дома, на котором я особенно четко осознавал пугающий уровень плотности населения.

– Сосед такой же человек, как вы, почти как вы. Вот только он шумит после 23 часов, бросает окурки в местах общего пользования, спускает воду в туалете посреди ночи, по ошибке забирает вашу почту. Сосед устраивает вечеринку с барбекю, и повсюду воняет дымом. Сосед смешно и громко занимается любовью. Он звонит в дверь, чтобы одолжить штопор, когда вы работаете. Он заражает вас гриппом, рассказывает о своих проблемах с детьми, или же эти самые дети разрисовывают фломастерами вашу дверь. Не стоит слишком сблизиться с другими людьми, иначе они становятся поистине невыносимыми.

Бывший правитель Коринфа замолкает на минуту и потирает бок.

– Некоторые люди терпеть не могли города. Чингисхан считал, что город – это тюрьма, где люди томятся взаперти. Отсюда все проблемы – болезни, коррупция, жадность, ревность, лицемерие. Не так уж он и ошибался. На опыте с крысами, запертыми в клетке, вы убедились, что жестокость возрастает по мере того, как места становится меньше. Однако я не берусь утверждать, что жизнь на свежем воздухе всех делает милыми и приветливыми.

Он разглядывает городок на макете.

– Да и Чингисхан не отличался кротким нравом. Но, по крайней мере, его народ путешествовал и не жил в грязи.

– Вы хотите внушить нам отвращение к городам? – спрашивает Сара Бернар.

– Я хочу научить вас создавать гармоничные и жизнеспособные города. Это тема моей лекции. Как любая форма прогресса, город несет в себе вреда не меньше, чем пользы. Рассмотрим подробнее эти макеты. Большинство древних городов имело в плане квадрат, в центре которого под прямым углом пересекались две главные артерии, – как и здесь, в Олимпии. Ворота, устроенные с каждой стороны, соответствовали четырем сторонам света. Иерусалим, Гелиополис, Рим, Биджинг и Анкор на «Земле-1» были построены именно так. Эта схема очень проста, но функциональна, а значит, вы можете использовать ее.

Сизиф разворачивает планы других городов. Потом останавливается, чтобы написать на доске: «Массовые войны».

– Ваши города приведут к новым формам войны. Осадным войнам, долгим, с разными техническими хитростями. Раньше важнее всего было обладание территорией, теперь появилась новая цель – обладание укрепленными городами. Для того чтобы осадить город, требуется много народу. Сейчас та стадия игры, когда важно следовать принципу: чтобы побеждать, нужно с каждым новым поколением удваивать число воинов. Бывало, чтобы произвести впечатление на врага, армии вытягивались длинной цепью вдоль линии фронта. Он садится.

– Вы, конечно, знаете, что в учебниках по истории подробно описано множество сражений, но там нет ни одного упоминания о тех, которые не состоялись, потому что одна армия напугала другую своей численностью и этим добилась капитуляции противника. Помните, что, испугав врага, можно сохранить немало жизней.

Я смотрю на других учеников, все конспектируют слова Сизифа. «Массовые войны». Думал ли я, что когда-нибудь буду изучать это в школе! Люди собираются вместе, чтобы убивать друг друга. Мне всегда казалось это дикой нелепостью. Грустная традиция человечества, праздник смерти. Люди убивают друг друга под звуки барабанов и труб, распевая песни. Чаще всего весной, в чудесные погожие дни. И вот теперь я сам могу развязывать войны, вести мой народ на бойню. Я, конечно, хорошо играю в шахматы, но не думаю, что мне понравится воевать.

Правитель Коринфа продолжает:

– Войны имеют особое значение для общества. Они позволяют избавиться от «излишков» населения. Гражданские войны убирают лишних людей, так же как эпидемии и голод. Люди не контролируют рост населения, и это приводит к большим проблемам. Возникают шайки малолетних преступников, которые начинают угрожать безопасности общества. Следовательно, необходима саморегуляция населения, компенсирующая «излишек детей».

Сизиф так равнодушно сказал это – «компенсировать излишек детей». Как будто речь шла о заводе, где необходимо уничтожить часть продукции, чтобы избежать перепроизводства.

– Итак, обратившись к истории человечества на «Земле-1», – продолжает он, – мы видим, что, как только сильно увеличивается рождаемость, сразу же начинаются войны. Как в скороварке: сбрасывается давление, чтобы не было взрыва.

– Неужели нам постоянно придется затевать войны, чтобы избавиться от лишнего населения? – спрашивает Симона Синьоре.

– Другим решением может быть только самоконтроль. Однако несколько попыток, предпринятых в этом направлении, закончились неудачей. Людям, похоже, так нравится видеть, как увеличивается население, что они не в состоянии сдерживать его рост. Даже самые суровые диктаторы не смогли внедрить контроль рождаемости.

Он разочарованно вздыхает.

– Некоторые страны стремятся к увеличению своего населения, чтобы хватало солдат для будущих войн, – говорит Бруно. – Понятно, что, если вы будете сдерживать рост населения своей страны, в то время как соседи этого не делают, возрастет риск, что их дети захватят ваших.

– Вот именно. Еще одна проблема соседства. Сизиф встает, роется в бумагах и достает планы ульев, термитников, муравейников.

– Если понаблюдать за животными, в частности за развитыми общественными насекомыми, такими как термиты, пчелы или муравьи, становится ясно, что они прекрасно умеют регулировать свою численность. Количество отложенных яиц у них зависит от насущных потребностей и запасов еды. Но контроль рождаемости требует такого уровня сознания, до которого вашим народам на «Земле-18» еще далеко. Так что пока они будут решать эту проблему при помощи войн.

Я поднимаю руку.

– А если все боги объединятся, если все мы сядем за стол и договоримся прекратить войны? Если отведем для каждого народа более или менее равные участки территории и будем контролировать рождаемость, чтобы она не превышала уровня, при котором на наших землях будут царить стабильность и гармония? Тогда наша энергия будет направлена не на то, чтобы расширять свои границы и защищаться от набегов, а на более эффективное управление повседневной жизнью наших народов.

Мое предложение встречено молчанием. Сизиф подбадривает меня:

– Это не так уж глупо, продолжайте! Итак, все сядут за стол и...

– И мы договоримся, что с этой минуты больше не будет соперничества. Это будет не победа одних над другими, это будет общая победа.

– А что же с ростом населения? – спрашивает Сизиф.

– Мы создадим систему контроля рождаемости. Я уже добился этого на острове Спокойствия. Мы будем увеличивать или уменьшать уровень рождаемости в зависимости от потребностей, сохраняя внутреннее и внешнее равновесие.

Бывший правитель Коринфа потирает подбородок.

– Вы забываете, что по самой своей природе человек – животное, стремящееся плодиться. Требование воздержаться от производства на свет потомства будет означать, что он должен отказаться от свойственного ему постоянного стремления к экспансии.

– Но вы сами только что сказали, что общественным насекомым это удалось.

Сизиф качает головой.

– Да, но сколько на это ушло времени? Сотни миллионов лет. Человек – животное юное. А ваши народы вообще можно сравнить с новорожденными младенцами. Человечество пока живет в страхе и получает удовольствие от убийства. Люди не способны понять, что их личное счастье зависит от гармонии с окружающим миром. Они постоянно стремятся доказать свое превосходство над другими. Им необходимо соревнование. А в соревновании всегда есть победители и проигравшие.

– Я не верю дарвиновской теории, утверждающей, что выживает сильнейший, – убежденно говорю я. – Я верю, что мы можем прекратить терзать друг друга и найти способ победить, оставаясь равными.

– Для этого нужно, чтобы человечество представляло собой однородный материал. Однако все люди разные. Они различаются и физическими, и умственными качествами, у них разные ценности, разные способности. Природа не признает равенства. Животные отличаются друг от друга, благодаря этому мир богат и разнообразен. Люди высоко ценят непохожесть. Вспомните коммунизм, попытку добиться полного равенства граждан. Каков результат? Тирания, еще более жестокая, чем при царе. Что же касается предложения собраться всем за одним столом, то в прошлом уже делались такие попытки. После грандиозной бойни 1914–1918 годов была создана Лига Наций. Все правительства мира твердили: «Больше никогда!» Даже поговаривали о «всемирном разоружении». Они действительно верили, что можно сложить в кучу все оружие на земле, сжечь его или закопать. А через двадцать лет началась Вторая мировая война – с применением еще более разрушительного оружия, с большей жестокостью и большим числом погибших.

В зале слышится ропот.

– Эта идея провалилась на «Земле-1», но на «Земле-18» у нас могло бы получиться. Разве не за этим мы здесь? Чтобы добиться большего, чем наши предшественники?

Сизиф подходит ко мне.

– Разумеется, но нужно быть реалистом. Видели вы когда-нибудь Олимпийские игры, где все участники поднимаются на первую ступень пьедестала? Какой интерес участвовать в таком соревновании? Где радость от победы, если нет проигравших?

Я не хочу сдаваться.

– Вы говорите об Олимпийских играх, тогда я приведу другой пример. Вспомним гладиаторов. Представим, что во время представления на римской арене гладиаторы решат не сражаться друг с другом.

Сизиф не дает сбить себя с толку:

– ...и что же им тогда останется?

- Солидарность и взаимовыручка.
- И они нападут на великих римлян?
- Вот именно.

– И будут тут же убиты армией императора. Знаете, есть известный пример – Спартак. Ему удалось призвать гладиаторов к солидарности. Должен вам напомнить, они очень плохо кончили.

Я пристально смотрю на нашего Младшего преподавателя.

- Хорошо. Тогда я обращусь ко всем присутствующим.

Я поворачиваюсь к ученикам:

– Слушайте все! Большая Игра «У» едва началась, наши народы входят в период, соответствующий античности на «Земле-1». Я предлагаю, чтобы мы вместе... Давайте примем решение больше не воевать. Разделим земли по существующим ныне границам. Далее, чтобы избежать проблем с перенаселенностью, о которых только что шла речь, обязуемся следить за тем, чтобы число родившихся не превышало числа умерших. Пусть те, кто согласен, поднимут руку.

Раввин Фредди Мейер голосует «за». И Сара Бернар, Жан де Лафонтен, Симона Синьоре. И Рабле. Я в упор смотрю на Рауля, он отводит глаза. Он во что бы то ни стало хочет победить. Поднимаются еще руки – Эдит Пиаф, Жорж Мельес, Густав Эйфель. Некоторые колеблются, то поднимут руку, то опустят. Голосование окончено. Примерно треть учеников готова встать на мою сторону.

– Подумайте! В конце игры останется только один. Неужели каждый из вас думает, что это будет он?

Сизиф качает головой.

– Это лотерея. Люди предпочитают игру, где при одном шансе на пять миллионов есть возможность выиграть огромное состояние, а не блэк джек, где шансов больше, но ставки ниже. Тут нет никакой логики, только эмоции. Надежда мешает думать.

Словно опровергая его слова, поднимаются новые руки – Мария Кюри, Жан-Жак Руссо, Осман, Виктор Гюго, Камилла Клодель, Эрик Сати.

Я влезаю на стол и поворачиваюсь к моим соученикам.

- Мы сейчас в силах положить этому конец.

– Он прав, – говорит Сизиф. – Я думаю, что, если вы согласитесь справедливо поделить мир, все олимпийские боги будут вынуждены считаться с вашим решением. Но не скрою, это произойдет впервые. – И тихо добавляет: – Не скрою также, что предыдущие выпуски тоже думали об этом и не смогли прийти к согласию.

- У нас может получиться, – говорю я. – У нас уже почти получилось.

Руки поднимаются снова и снова.

- Другие потерпели поражение, а мы добьемся успеха!

Но класс молчит. Мне кажется, что я принял эстафету у Люсьена, ученика-утописта, который хотел спасти «Землю-17». Он предпочел отказаться от участия в игре, потому что перед этим должна была погибнуть цивилизация этой планеты.

- Ну же, давайте все вместе!

Те, кто еще не поднял руку, нерешительно смотрят на меня.

– Решение должно быть единогласным, – напоминает правитель Коринфа. – Если хоть один бог-ученик откажется выйти из игры, предложение не будет принято.

Еще несколько поднятых рук, но не набирается и половины класса. Еще рука. Это Мата Хари. Рауль сидит, сложив руки на коленях.

- Понимаете ли вы, что именно зависит от исхода этого голосования? – спрашиваю я.

Больше никто не поддается. Я устал.

– Хорошая попытка, – одобряет Сизиф. – Во всяком случае, вы хотя бы попробовали что-то сделать. Это похвально.

Мои сторонники опускают руки. Я думаю, с самого начала никто не питал иллюзий.

– Не принимайте это слишком близко к сердцу, – советует мне преподаватель. – Вы упускаете из виду, что некоторые играют ради самой игры.

Видимо, он прав.

– Я приведу еще один пример. Представьте себе партию в покер, где все договорятся объединить ставки и разделить их поровну. Какой тогда интерес играть?

Сизиф обращается к классу:

– Научитесь наконец ценить возможность участвовать в самой захватывающей игре во Вселенной. Это лучше, чем заводной паровозик, интереснее, чем карты, монополия, любые компьютерные игры. Вы играете в богов, играете настоящими мирами. Пользуйтесь же этим.

Мне он говорит:

– Сыграй, Мишель. У тебя все равно нет выбора, но ты можешь победить. Вы слышите меня? Вы все можете победить.

Часы на башне Кроноса начинают звонить. Сизиф объявляет:

– Ладно. Лекция окончена.

Он просматривает свои записи и добавляет:

– Ах да, я кое-что забыл. Письменность. На этом этапе повсеместно будут появляться тексты, летописи, писцы. Это многое изменит.

12. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПИСЬМЕННОСТЬ

После 3000 г. до Р. Х. во всех великих цивилизациях Ближнего Востока возникает письменность. Шумеры изобретают клинопись. Буквально этот термин означает «письмо клиновидными черточками». Новое изобретение шумеров было очень важным – они перешли от идеограмм, рисунков, довольно точно изображавших предметы и живые существа, к знакам, обладавшим значительно большей степенью условности, выразившим понятия, а позже – звуки. Так, например, изображение стрелы сначала передавало звук «ти», но вскоре стало использоваться для обозначения абстрактного понятия «жизнь». Эту систему письма позже позаимствовали ханаанеи, вавилоняне, хурриты.

Около 2600 г. до Р. Х. шумеры использовали 600 знаков, 150 из которых выражали отвлеченные, недескриптивные понятия. Писцы наносили эти знаки на мокрые глиняные таблички, которые затем высушивали на солнце или обжигали в печи, чтобы они затвердели. Этот язык использовался в торговле и дипломатии, затем при создании религиозных и поэтических текстов.

Эпос о царе Гильгамеше считается первым романом в истории человечества.

В Библие обнаружены древнейшие буквы, положившие начало современным алфавитам; они очень похожи на буквы современного иврита. На саркофаге Ахирара, царя Библа, изображены знаки, обозначающие двадцать две согласные. Торговля и открытие новых земель способствовали распространению этого алфавита по всему Средиземноморью. Отметим, что для обозначения «алеф», первой буквы еврейского алфавита, сначала использовали изображение коровьей головы. Со временем эта буква перевернулась и превратилась в знакомую нам «А», с повернутыми вниз рогами.

Почему коровья голова? Несомненно, потому, что в то время корова считалась главным источником энергии. Она давала мясо, молоко, тянула за собой повозку путешественника и плуг земледельца.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

13. ВРЕМЯ ГОРОДОВ

КРЫСЫ

Армия людей-крыс продвигалась вперед. Шедшие впереди юноши размахивали черными флагами, на которых были изображены красные крысиные морды. Всадники теперь ехали на специально обученных для войны лошадях, немедленно повиновавшихся любой команде. Пехота была вооружена луками, копьями, пращами.

Эта карательная экспедиция готовилась уже давно. Люди-крысы культивировали жестокость и, самое главное, ненавидели женщин-ос, которые уже давно бросали им вызов.

Новый предводитель людей-крыс обвинил своих соперников в том, что они были шпионами женщин-ос, и казнил их. Вскоре все племя было уверено, что амазонки выиграли битву только потому, что у них были тайные союзники среди людей-крыс. Крысиное сообщество держалось на ненависти к женщинам-осам и постоянном недоверии друг к другу.

Со времени последней битвы город женщин-ос разросся и укрепился. Окружавшие его трехметровые стены выросли еще на два метра. Деревянные ворота стали толще в несколько раз. Амазонки были теперь вооружены более легкими мечами, с которыми они обращались с удивительным проворством. Лишь только часовые дали знак, что на горизонте появились люди-крысы, затрубили рога, призывая воительниц на защиту города.

И вот две армии друг против друга. Минутное колебание. Ругательства и оскорбления, слышимые с обеих сторон.

Амазонки ожидали лобовой атаки, но, к их изумлению, по знаку царя воины-крысы расступились и выпустили вперед толпу совершенно голых людей. Эти мужчины и женщины не были вооружены. У них не было ни мечей, ни щитов, они шли вперед с пустыми руками, безразличными лицами, истощенные, истекающие кровью и шатающиеся от голода.словно армия призраков.

У женщин-ос не было выбора. Их стрелы косили несчастных. Перебив всех, амазонки почувствовали первую усталость, да и стрел было потрачено немало. Вдобавок они были напуганы тем пренебрежением, с каким люди-крысы относятся к человеческой жизни. Нетрудно было догадаться, какая участь ожидала женщин-ос в случае поражения.

Тем временем из рядов людей-крыс выступило несколько воинов, которые, прикрываясь щитами, тащили бревно с вырезанной на конце крысиной головой. Мощный удар потряс городские ворота.

Стрелы были теперь бесполезны. Амазонки принялись забрасывать нападавших камнями, но они отскакивали от вражеских щитов.

Вдруг одной из защитниц города пришла мысль послать за огромным котлом, в котором кипятили воду для вечернего супа. Обваренные кипятком люди-крысы бросили таран и разбежались, воя от боли, но на их место, прикрыв головы щитами, тут же встали другие. Пока вода в котле вновь закипела, в воротах была проделана брешь.

Амазонки приготовились встретить атаку кавалерии, но у людей-крыс был для них еще один сюрприз. Вслед за толпой рабов, на которых женщинам-осам пришлось потратить столько стрел, крысы выпустили детей – целую армию маленьких солдат от шести до двенадцати лет, визжащих, швыряющих камни и размахивающих факелами.

Это была идея царя крыс. Он заметил, как женщины становятся мягче при виде малышек, и подумал, что амазонки не решатся их убивать. Что же касается детей-крысят, то они, вскормленные жестокостью и ненавистью к врагам, стремились доказать своим родителям, что не пожалеют жизни ради победы своего племени.

Расчет царя крыс оказался верен. Стреляя в детей, амазонки то и дело промахивались. А детская армия, не встречая почти никакого сопротивления, вошла в город и принялась жечь все вокруг. Женщины-осы недооценили силу пропаганды, основательно прополоскавшей юные мозги.

Смятение достигло высшей точки. Едкий дым поднимался над пылающими крышами домов, когда крысиная кавалерия ворвалась в город. Женщины-осы метали дротики, но стрел у них почти не осталось. Началась рукопашная. Люди-крысы были вооружены мечами из железа – нового металла, секрет которого они выпытали у одного из побежденных народов. Бронзовые мечи женщин-ос были тяжелее и не так прочны. И хотя нередко амазонки оказывались более ловкими в бою, тяжелые мечи мешали им твердо стоять на ногах.

Вторая кавалерийская когорта пришла на помощь воинам-крысам, в то время как дети-крысята добивали амазонок, упавших на землю.

Раздается сигнал к контратаке. Королева женщин-ос возглавила верховой отряд, заставший врасплох людей-крыс. Амазонки уже без колебаний убивают злобных крысят, которые были причиной стольких потерь.

Сражение шло уже два часа, а исход все еще не был ясен. Там, где между врагами сохранялось какое-то расстояние, перевес был на стороне женщин-ос: их стрелы точнее поражали цель, чем копья людей-крыс; но там, где крысам удавалось завязать рукопашную, верх одерживали они.

Царя крыс вдруг озарило: «Действовать надо как с пчелами – нужно захватить королеву». Он собрал самых доблестных воинов и отдал приказ.

Королева подбадривала свои войска, обнаружить ее было нетрудно. Крысы бросились к ней, быстро перебили телохранителей, и королева, отрезанная от своих, осталась одна в окружении врагов. Стена из ошестинившихся копий мешала амазонкам прийти ей на помощь.

«Она нужна мне живой!» – взревел предводитель крыс.

Королева, поднимая на дыбы лошадь, удерживала нападавших на расстоянии и, размахивая мечом, отбивалась от копий. Ее длинные волосы развевались на ветру, она сеяла смерть среди людей-крыс, осмелившихся подойти к ней слишком близко. Увидев это, царь людей-крыс, использовав свое копьё как шест, подпрыгнул и выбил королеву из седла. Царь крыс и королева ос покатались по земле.

Амазонка впиалась ногтями в лицо противника и до крови расцарапала его. Царь крыс резким движением отбросил королеву назад, заломил ей руки и связал за спиной бычьим сухожилием, висевшим у него на поясе. Затем бросил амазонку на землю и придавил ей грудь коленями. Она из всех сил укусила его за руку. Хлынула кровь, но царь крыс не обратил на это внимания. Он заставил королеву ос встать, ему подали длинный нож, и он приставил его к горлу пленницы.

– Сдавайтесь, или я убью ее!

Амазонки колебались. Но они любили свою королеву. Одна за другой воительницы опускали оружие. Победный клич разнесся по рядам людей-крыс.

Детей-крысят, которые хотели продолжить бойню, остановили. Пленных амазонок заковали и длинной колонной повели в поселение людей-крыс. Женщины-крысы громкими криками приветствовали воинов-победителей. Выстроившись вдоль дороги, они оплакивали погибших и плевали в лицо пленницам. Незнакомки с длинными чистыми волосами, в одеждах из тонких тканей были удивительно красивы. Некоторые женщины-крысы даже осмеливались потрогать волосы амазонок, пытаясь понять, почему они такие длинные и блестят, ведь их собственные космы слипались от жира. Они обнюхивали кожу врагов, удивляясь тому, что она пахнет цветами, но это не мешало им смотреть на пленниц с отвращением и плевать им в лицо.

Самой красивой из пленниц была, бесспорно, та, что шла со связанными руками за лошадью царя. Ее черные волосы были покрыты пылью, но женщина высоко держала голову, спина ее была прямой, и вся фигура выражала превосходство, чего никогда не позволяли себе женщины-крысы, беспрекословно подчинявшиеся своим мужчинам.

В стороне солдаты собирали в табуны захваченных лошадей, сваливали добычу, награбленную в городе амазонок. Слышались громкие крики женщин-крыс, требовавших предать смерти королеву ос.

Царь крыс с ножом в руке подошел к пленнице. Раздался дружный вопль. Но, вместо того чтобы заколоть королеву, царь лизнул ее, как кусок мяса, который он собирался сожрать. Солдаты захохотали, жертву едва не стошнило. Все ждали, чем же это закончится.

Царь крыс спокойно развязал руки пленнице.

Все молчали.

Королева тут же попыталась ударить его, но он легко справился с ней. Затем, хотя она изо всех сил старалась отвернуться, он поцеловал ее.

Женщины-крысы снова закричали.

Царь крыс выхватил меч и замахнулся на них, показывая, что он один диктует правила и не женщинам указывать ему, как поступать с пленницами – королевами или простолюдинками. Он велел лучшим воинам выбрать себе амазонку. На этот раз женщины-крысы не осмелились выразить свое недовольство тем, что у них неожиданно появились соперницы.

Тогда предводитель крыс заговорил. Он сказал, что теперь в распоряжении его народа есть большой город, обнесенный толстой стеной, и велел людям-крысам поселиться там. До сих пор люди-крысы были скорее кочевым народом, они переселялись, захватывая новые земли. Для краткого отдыха им хватало временных лагерей. Царь сказал, что видел во сне, что этот город станет столицей людей-крыс.

Предводитель крыс женился на королеве амазонок, соблюдая ритуалы своего народа. Затем он велел установить в городе собственную конную статую, а рядом коленапреклоненную амазонку, умоляющую о пощаде. Это был первый памятник людей-крыс. Что же касается женщин-ос, то, устав сопротивляться, они в конце концов смешались с поработившим их народом. Они научили захватчиков ткацкому мастерству и основам гигиены.

Они попытались записать историю своего побежденного народа на самодельных листах картона.

Однажды правитель крыс обнаружил эти записи и, объятый подозрениями, уничтожил их. Лучше было уничтожить память прежде враждебного ему народа и утверждать, что у истоков любого изобретения стояли люди-крысы.

Царь велел писцам-осам записать историю, продиктованную им самим. Он желал, чтобы все великие сражения, победу в которых одержали люди-крысы, были запечатлены навеки.

Судьба позволила себе только одну насмешку – от брака правителя крыс с королевой амазонок рождались только девочки. В результате царя крыс убил его собственный генерал, который взошел на трон и велел переделать памятник. Теперь посреди города стояла статуя генерала.

Царю крыс можно было простить все, кроме того, что от него рождались одни девочки.

14. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЦАРИЦА СЕМИРАМИДА

Начиная с 3500 г. до Р. Х. индоевропейцы начали завоевывать шумеров. Хетты, лувийцы, скифы, киммерийцы, мидийцы, фригийцы, лидийцы бились друг с другом насмерть, создавая недолговечные царства, которые, в свой черед, исчезали с лица земли.

Около 700 г. до Р. Х. ассирийцам, одному из индоевропейских народов, удалось, прибегнув к террору, основать прочное государство. Там появилась на свет девушка, которой была уготована необыкновенная судьба. Она родилась на берегу Средиземного моря, вблизи современного Ашкелона (Израиль) и была брошена в пустыне, где согласно легенде, которую она сама и сочинила, ее выкормили голуби. Ее подобрала пастухи, а позже она соблазнила Онна, наместника Сирии, стала его женой и последовала за ним ко двору государя. Там она очаровала царя Нина и под именем Семирамида стала царицей Ассирии. Она приказала отравить своего мужа и выстроила в его честь огромный мавзолей.

Царица Семирамида мирно правила одной из самых великих империй того времени. Она основала Вавилон на берегах Евфрата, затем начала строительство великолепных памятников. Ее «висячие сады» признаны одним из семи чудес древнего мира. Но ее жажда славы утолена не была, и потому Семирамида предприняла ряд завоевательных походов, завладев Египтом, Мидией, Ливией, Персией, Аравией и Арменией. В конце концов ее армия была разгромлена на берегах Инда.

Семирамида безраздельно правила сорок два года, основала одну из первых великих империй, славившуюся военными победами, высокой культурой и произведениями искусства, и, наконец, уступила трон своему сыну Нинию.

Цари, правившие после Семирамиды, презирали женщин и последовательно уничтожали воспоминания о периоде ее правления, чтобы никто не мог сказать, что им так и не удалось превзойти царицу.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

15. ДЕЛЬФИНЫ

Люди-дельфины постепенно смешивались с народом скарабеев. Однако не обходилось без проблем. Люди-скарабеи поговаривали, что у чужаков есть тайные знания, которые они скрывают, перешептывались о сокровищах, которыми те не хотят делиться. Люди-дельфины были загадкой, вызывающей недоверие.

Люди-дельфины неукоснительно соблюдали обычаи принявшего их народа. Из всех сил старались развивать науки, служившие общему благу.

Они насаждали письменность, изготавливали необходимые для письма принадлежности – перья и чернильницы, делали бумагу из высушенных цветов, а позже из волокон папируса. Они основали школы, а затем и университеты, в каждом из которых особое внимание уделялось одной из наук. В университетах формировался класс интеллектуалов – ученых, инженеров, врачей.

Развивалась религия, которую народ дельфинов создал для людей-скарабеев. Возник институт жрецов, поклонявшихся единому богу – Солнцу и постигших пришедшие из древности тайные знания людей-дельфинов.

Тут же в противовес им возникло сообщество жрецов, которые во имя «сохранения традиции, существовавшей до распространения чужеземного колдовства», поклонялись Великому Скарабею и целому пантеону богов со звериными головами. Таким образом, на севере распространялся монотеизм, а на юге процветало многобожие.

Север был на пике экономического и научного расцвета, там строились новые города, порты для рыболовных промыслов. Юг оставался верен более примитивному образу жизни, основанному преимущественно на сельском хозяйстве. На севере рос уровень жизни, нравы становились все более утонченными. На юге люди изнывали в полях от непосильного труда. Из-за высокой детской смертности не хватало работников, сеятелей и сборщиков урожая, и южане обзаводились все более многочисленным потомством.

У северян благодаря более развитой медицине умирало мало детей. Следуя закону дельфинов «заводить столько детей, сколько сможешь любить», они предпочли ограничить рождаемость, чтобы не плодить потомства, до которого никому не будет дела.

Время шло, и это было на руку южанам. С каждым новым поколением под влиянием жрецов-пантеистов население на юге увеличивалось, рос и воинственный настрой жрецов. Они обличали правителей Севера, поддавшихся влиянию инородцев, ополчились против прогресса, которым северяне были обязаны людям-дельфинам, утверждали, что дары, полученные от чужеземцев, таят в себе зло. Они требовали, чтобы царь вернулся к истокам и обратился к единственно правильной религии – многобожию.

В конце концов жрецы организовали заговор, в котором погиб старший сын царя, а затем втянули в свои интриги военачальников, обещая в награду богатства людей-дельфинов. Военачальники колебались, но в конце концов поддались на посулы.

Молниеносный военный переворот закончился пленением царя и его «самоубийством» в темнице. Царица отреклась от него, пытаясь спасти жизнь себе и второму ребенку, но тщетно – их также казнили.

Жрецы-скарабеи возвели на трон молодого принца-южанина, отпрыска дальней царской ветви, который приказал закрыть школы и университеты и преобразовать их в религиозные школы культа Скарабея. Студенты вышли с протестом на улицы, но их восстание было немедленно утоплено в крови.

Молодой царь, воспользовавшись беспорядками, арестовал учеников и преподавателей-

дельфинов и обвинил их в подстрекательстве к мятежу. Всех их тут же заточили в первые политические тюрьмы. Затем царь произнес официальную речь, в которой говорилось, что ответственность за резню лежит на людях-дельфинах. «Вся вина на них» – вот к чему сводилось его выступление, но этого было не достаточно, чтобы окончательно изменить мнение населения о людях-дельфинах. Многие еще помнили то хорошее, что чужеземцы дали народу скарабеев.

Тогда, опять же под влиянием жрецов, царь созвал на совет преданных ему образованных людей и потребовал найти законное основание для истребления людей-дельфинов. После долгих раздумий ученые сочинили текст, который якобы написали люди-дельфины, замыслившие разрушить общество скарабеев.

Это произведение имело огромный успех, далеко превзошедший ожидания подстрекателей. Казалось, население только дождалось предлога, чтобы отринуть последние колебания и стереть из памяти хорошие воспоминания о культуре дельфинов. Для всех стали очевидными враждебные намерения, никто не сомневался в существовании заговора дельфинов. Участились случаи проявления расизма, на которые полиция смотрела сквозь пальцы, а то и открыто поддерживала нападавших на дельфинов.

В это же время, когда упало влияние дельфинов и светских учебных заведений, во имя духовного оздоровления нации были упразднены свобода мысли и право на образование. Место науки занял пантеизм. Книги людей-дельфинов были изъяты из библиотек и сожжены на площадях. Вслед за этим царь объявил, что слишком заметное присутствие людей-дельфинов вызывает общественные беспорядки. Чтобы решить эту проблему, он велел переселить людей-дельфинов в отведенные для этого городские кварталы и ввел комендантский час. Это еще больше развязало руки скарабеем-фанатикам.

Условия жизни людей-дельфинов становились все хуже. Им последовательно запретили заниматься всеми существовавшими ремеслами, а когда они начали умирать с голоду, «для их же блага» были созданы лагеря, где за труд платили гроши. Их держали на самых тяжелых работах. Вскоре новому царю пришла идея использовать эту бесплатную рабочую силу на строительстве огромного памятника себе. Туда же были отправлены все недовольные порядком и политически неблагонадежные ученые. В надсмотрщики для трудовых лагерей набирали самых жестоких людей-скарабеев, нередко из бывших преступников.

Жизнь на стройке была ужасной, рабочих едва кормили, они были лишены почти всего.

Народ дельфинов слабел на глазах, но однажды молния ударила в стену, которой был обнесен лагерь, и пробила в ней брешь. Напуганные пленники не осмеливались бежать, боясь нарушить правила. Действовать решился жрец Солнца, не принадлежавший к народу людей-дельфинов, но воспитанный в их культуре. Воспользовавшись суматохой, вызванной грозой, он уговорил нескольких смельчаков бежать.

«Нам уже нечего терять», – сказал он им.

Они укрылись в заброшенных лачугах своего квартала, где им были известны все улочки и закоулки, и под руководством жреца начали разрабатывать план побега для всех политических заключенных. Когда темнело, они рыли подкопы под стену, окружавшую лагерь и стройку. Они действовали снаружи и изнутри лагерей. В назначенный срок, теплой летней ночью, люди-дельфины бежали через подземные ходы. Следуя указаниям восставшего жреца Солнца, они рассыпались маленькими группами, договорившись встретиться на краю великой пустыни, которую до сих пор не удалось пересечь ни одному человеку.

Жрец Солнца собрал их и произнес речь. По ту сторону пустыни, утверждал он, они обретут страну, из которой вышли все люди-дельфины, там они создадут свое независимое Государство, им больше никогда не придется полагаться на милость других народов.

Толпа не очень верила ему, но все точно знали – выбора у них нет. Люди-дельфины

отправились в путь. Сначала им казалось, что их сотни, потом тысячи, но, по мере того, как к ним присоединялись все новые пленники, которым удалось бежать, их становилось десятки, сотни тысяч, и они шли среди раскаленных песков и камней. Шли не только люди-дельфины, но и люди-скарабей, бывшие студенты и профессора университетов, даже бывшие ученые, которые избежали ареста, но не могли больше жить при новом режиме.

Жрец солнечного культа вел за собой целое человеческое стадо, и его стали называть Пастырем.

Люди-скарабей решили было догнать и перебить их, но страх заблудиться на огромной неизведанной и бесплодной территории заставил их отказаться от задуманного.

Царь велел прекратить погоню. Он думал, что голод, жажда и шакалы погубят дельфинов также неминуемо, как его копья и стрелы. По общему мнению, это было коллективное самоубийство.

Итак, люди-дельфины под предводительством своего Пастыря углубились в пустыню. Днем их жгло солнце, ночью они дрожали от холода. У них не было никаких ориентиров, они не понимали, почему их вожак выбирает ту, а не другую дорогу. Некоторым казалось, что они ходят по кругу, настолько однообразным был окружающий их пейзаж. Пастырь прекрасно знал звездное небо и вел людей прямо на север.

Ночью, говорил он, ему снятся вещие сны, в которых говорится, куда идти дальше.

Люди-дельфины были совершенно истощены и измотаны. В дороге по любому поводу вспыхивали ссоры. Жажда и возникавшие время от времени споры не раз могли погубить путников. Но всегда, когда ситуация становилась критической, начиналась гроза и благодатный дождь спасал людей от обезвоживания и собственной ярости.

Некоторые, особенно измучившиеся люди-дельфины принялись проклинать жреца, втянувшего их в поход, казавшийся им теперь хуже мучений в лагере.

«Если кто-то хочет вернуться и пасть в ноги царю скарабеев, чтобы вымолить у него пощаду, пусть идет», – объявил Пастырь.

Один из недовольных болтунов поймал его на слове и увлек за собой не меньше тысячи человек. Половина из них заблудилась в зыбучих песках. Остальные в полном изнеможении добрались до страны скарабеев, где были публично казнены.

Тем временем огромная толпа людей-дельфинов и присоединившихся к ним все шла и шла через пустыню.

Переход не был спокойным, не раз совершались покушения на Пастыря. Однако люди продолжали упорно идти вперед, словно лососи, с трудом поднимающиеся вверх по реке в поисках места, откуда они когда-то отправились в свое первое плавание. И каждый раз, когда они едва не погибали от жажды, они находили оазис. Или начинался дождь. Все уже привыкли к чудесам, они стали обычным делом.

Постоянные лишения действовали как наркоз, люди жили только словами Пастыря и его снами. Они приспособились к условиям пустыни, мало говорили и никогда не плакали, чтобы не терять влагу. Пустыня научила их краткости в речах и быстроте действий. Они придумали способ разбивать лагерь за несколько часов, выкапывая убежище в песках. Их религия, зародившаяся на море, приспособилась к пустыне. Пастырь проповедовал пост, медитацию, отказ от мирской суеты. Некоторым пришлось по вкусу такой аскетизм.

Пастырь говорил: «Вы можете получить что-либо, только перестав желать этого». Это правило Отречения.

Пастырь говорил: «Чтобы понять другого, нужно встать на его место». Это правило Сопереживания. И добавлял, что правило это применимо и к растениям, и животным: ведь если животное попадалось охотнику, значит, оно было понято им, и, чувствуя, что понято,

соглашалось быть убитым, чтобы стать пищей охотника.

Пастырь говорил: «Когда вы совершаете что-либо, думайте, как это отзовется во времени и пространстве. Не бывает действия без последствий. Когда вы плохо говорите о ком-то, вы меняете его в худшую сторону. Когда вы боитесь или лжете, вы создаете страх и превращаете ложь в реальность». Это правило Причинности.

Пастырь говорил: «Каждый из вас должен выполнить свое дело на земле, и у вас есть талант, необходимый для того, чтобы сделать это как можно лучше. Найдите свое дело, откройте в себе талант, и ваша жизнь обретет смысл. Не бывает людей, лишенных таланта. Жизнь, в которой талант не был востребован, потрачена напрасно».

Пастырь говорил: «Не у каждого получится, но каждый должен попытаться. Не нужно сердиться на себя за неудачу, нужно досадовать на себя лишь за то, что не попытался».

Пастырь говорил: «Нужно праздновать риск, а не победу. Потому что рискнуть или нет – зависит от нас, а победа – от множества обстоятельств, которые невозможно предугадать».

Пастырь говорил: «За миром видимых вещей есть невидимый мир, где открыт доступ ко всем знаниям и откровениям. Туда можно проникнуть, стоит только остановить мелкие ничтожные мысли, которые создают постоянный шум у нас в голове».

Однажды утром, когда все смирились с тем, что переход через пустыню никогда не кончится, разведчик сообщил, что по ту сторону холма лежит окруженная реками плодородная равнина, полная дичи. Новость была настолько невероятной, что никто не поверил.

Но, поднявшись на вершину холма, люди были вынуждены признать очевидное. То, что они увидели, походило на мираж – через долину текли потоки воды. Перед людьми-дельфинами вновь была родная земля. Все чувствовали это, словно клетки, из которых состояли их тела, узнавали воздух, запахи цветов и травы, которые некогда ощущали их далекие предки. У них получилось.

«Древние» люди-дельфины, которым правдой и неправдой удалось остаться на родной земле, шли им навстречу.

– Люди-дельфины всегда оставались на этой земле, и они никогда не покинут ее! – воскликнул один из них, ведя пришельцев к бедной, полуразрушенной деревеньке.

Люди-дельфины, жившие в этом краю, рассказали, что ведут род от первого поколения людей-дельфинов. Они потомки тех, кому удалось выжить после великого нашествия людей-крыс. Они спрятались во время нападения. Корабли отплывали в страшной суматохе, их забыли, и они остались здесь. Они прятались и выживали как могли. Когда же люди-крысы отправились на завоевания новых земель, людидельфины вернулись на свои руины и попытались жить дальше, вспоминая древние традиции.

Чтобы отпраздновать встречу, устроили большое торжество. Было решено, что люди-дельфины, всегда жившие на этой земле, и люди-дельфины, вернувшиеся из изгнания, вместе возродят народ дельфинов. Они начали строить большой столичный город. Под защитой его высоких стен они поклонялись теперь не Солнцу, а Свету.

Пастырь стал первым главой этого народа. Он заявил, что с него хватит царей и централизованной власти, и предложил создать правительство двенадцати мудрейших – по числу двенадцати великих колен людей-дельфинов.

Пастырь поведал, что ему был сон о том, как необходимо установить законы, чтобы его народ никогда не повторял былых ошибок.

Он установил четырнадцать запретов.

Три первых касались пищи:

- Каннибализм запрещен.

- Запрещено есть мясо животного, страдавшего перед смертью. Ни при каких условиях не есть живьем никого из ходящих по земле животных.

«Употребляя в пищу животное, которое страдало перед смертью, вместе с его мясом поглощаешь и его страдание», – говорил Пастырь.

- Никаких контактов пищи с экскрементами. Это был один из первых законов пищевой гигиены. Случалось, крестьяне злоупотребляли удобрениями из навоза или человеческих экскрементов, и это вызывало эпидемии.

Затем шли пять запретов, касающихся секса:

- Запрещено кровосмешение.
- Запрещено насилие.
- Запрещена педофилия.
- Запрещена зоофилия.
- Запрещена некрофилия.

Все это было ясно и так, но Пастырь считал нелишним напомнить о вполне очевидных вещах.

Еще четыре запрета ограничивали применение силы:

- Запрещено убивать.
- Запрещено нападать на другого человека и наносить ему ранения.
- Запрещено красть.
- Запрещено портить предметы, принадлежащие другому.

И запреты, регулирующие общественные отношения. Люди-дельфины побывали рабами, и первыми законами, которые они установили, были следующие:

- Никто не должен работать бесплатно.
- Никакой работы без отдыха.

Закончив составлять законы, Пастырь неожиданно умер, подавившись рыбьей костью. Его агония длилась два часа. Два часа он задыхался, пытаясь пальцем достать кость и катаясь по земле. Ему хотели дать воды, заставили проглотить хлебный мякиш – ничего не помогло. Он задыхался, и кто-то предложил вскрыть кадык. Немедленно устроили голосование – три голоса «против», два «за» и один воздержавшийся. Никто не решился взять ответственность на себя, и Пастырь скончался.

Смерть от удушья из-за рыбьей кости казалась настолько жалкой по сравнению с великими свершениями Пастыря, что его биографы тут же придумали иную, более «почтенную» версию: Пастырь отошел в мир иной в молитвенном экстазе, свидетели его кончины видели голубя, прилетевшего, чтобы проводить отшедшую душу к Солнцу.

Пастыря похоронили так, как он просил, – под муравейником. Без гроба, чтобы, в соответствии с его пожеланиями, «плоть смогла вернуться в землю, из которой вышла и которая ее питала».

Применять запреты на практике оказалось непросто. Чтобы сократить страдания животных, предназначенных в пищу, жрецы людей-дельфинов обратились к врачам, которые должны были найти способ убивать, не причиняя боли. Врачи указали, где следует перерезать сонную артерию, чтобы это вызывало постепенное забытие и смерть.

В соответствии с запретом работать без отдыха Совет двенадцати мудрецов из числа людей-дельфинов, устанавливавший правила нового дельфиньего государства, объявил, что четвертая

часть полей каждый год должна оставаться незасеянной, чтобы в почве успели восстановиться микроэлементы, а урожай следует собирать с остальных трех четвертей. Мужчины и женщины должны работать шесть дней, а в седьмой отдыхать.

Они возвели храм в форме куба, оставив пирамиду своим гонителям-скарабеем. В воспоминание о времени, проведенном в рабстве, они записали свою историю в большую книгу, а на тот случай, если книги снова начнут жечь, установили праздник, в который родители должны рассказывать детям обо всем, что пришлось пережить их народу. Таким образом, традиция устного предания будет развиваться параллельно с летописями.

Снова появились библиотеки. Люди-дельфины собирали книги и карты, считая их самым ценным достоянием.

Они основали столицу, построили дороги. Деревни стали поселками, а поселки городами. Шло время, бывшие рабы из страны скарабеев старились. Их дети создали могущественное государство. Обратившись к истокам своей культуры, они снова занялись торговлей и построили гавани, откуда отплывали корабли, державшие курс вдоль берегов континента. Мореплаватели обменивали ремесленные изделия на различное сырье и сведения о новых способах его обработки. Это судоходство содействовало поддержанию мира с соседями, коренными жителями окрестных земель, помогало заключать торговые союзы и составлять подробные карты.

Люди-дельфины и не думали обращать чужеземцев в свою веру. Они считали, что у каждого народа есть свое собственное божество. И если они распространяли начальные знания о своем языке и культуре, то о своей религии заговаривали редко.

Удивительное дело, но вскоре соседям, особенно северянам и жителям восточных земель, стало казаться подозрительным, что люди-дельфины не занимаются прозелитизмом, хотя поначалу им нравилось такое поведение чужаков. Не допуская и мысли, что люди-дельфины хранят верность своей исконной религии, они заподозрили дельфинов в том, что они хранят какие-то тайные знания. Сценарий страны скарабеев повторился почти без изменений.

Погромщики напали на лавки людей-дельфинов, атаковали их торговые суда. Сначала никто не обратил на это особого внимания. Но вскоре целые армии внезапно начали нападать на поселения дельфинов, расположенные вдоль границ.

Вновь возникла необходимость собирать войско. Пастырь предусмотрел это, и Совет двенадцати проголосовал за армию, состоящую из солдат-граждан – в мирной жизни каждый занимался своим ремеслом, а в военное время все брались за оружие. Все население должно было участвовать в защите государства дельфинов. Крестьяне, рыбаки, ремесленники и писцы оказались неуклюжими солдатами, но они упорно тренировались и вскоре стали признанными воинами. Армии соседних государств состояли исключительно из тупых, примитивных солдат, их тактику было легко разгадать. Люди-дельфины особенно славились искусством ночных атак на лагерь противника; они поджигали палатки, обращали в бегство лошадей, и этого, как правило, хватало, чтобы остудить пыл захватчиков. Однако нападения на границы не прекращались.

И хотя люди-дельфины почти всегда отражали неприятеля, с каждым разом они несли все большие потери. Казалось, что враг приспособливается к их тактике, находит способы обойти ее. Из тех, кто участвовал в ночных вылазках, многие были схвачены и казнены.

Постоянная угроза спокойствию наносила вред благополучию страны. При каждом нападении вся мирная деятельность прекращалась, жители спешили стать в строй. Необходимость принимать решения через Совет чрезвычайно затрудняла военные действия, эта система оказалась недостаточно эффективной в периоды потрясений. Тогда члены Совета согласились отказаться от своих привилегий и высказались за избрание единого царя, который

будет облечен всей полнотой исполнительной власти, подобно тому, как это принято у людей-скарабеев. А двенадцать членов Совета будут заниматься только законотворчеством. Так в правители был избран военачальник, одержавший наибольшее количество побед. Он тут же повысил налоги, что позволило создать профессиональную армию. С тактикой ночных нападений было покончено.

После создания новой армии народ людей-дельфинов зажил относительно спокойно. Некоторые граждане выступали против централизованной власти, кое-где вспыхивали восстания против чрезмерных поборов на армию. Дошло до того, что люди-дельфины начали сражаться друг с другом. Это была первая гражданская война на их территории.

Бунтарский дух, в котором была их сила, теперь превратился в угрозу их существованию. Царь обратился к народу с речью, в которой взывал: «Нам больше никто не угрожает, но мы сами становимся врагами себе. Когда же у нас будет достаточно мудрости, чтобы жить без раздоров?»

Именно тогда с севера пришла огромная армия людей-крыс, уничтоживших все на своем пути. В соседних портах много говорили об этих солдатах, о детях, идущих в атаку под прикрытием армии призраков. В книгах, хранившихся в библиотеках людей-дельфинов, говорилось о предыдущем великом нашествии людей-крыс.

Люди-дельфины изо всех сил противостояли людям-крысам, но их армия была слишком малочисленна, монархия слишком молода, чтобы дать отпор огромным отрядам опытных бойцов и невиданному насилию. Люди-дельфины отбили две атаки, но были опрокинуты третьей. Люди-крысы вновь обрушились на государство людей-дельфинов. Храм был разрушен, библиотеки сожжены.

Но теперь люди-крысы знали, что, перебив всех, ничего не выиграть. Намного лучше заставить покоренные народы работать на себя. Они назначили наместником преданного им человека-дельфина и обложили население чудовищными налогами. За право оставаться в живых побежденные расплачивались деньгами, пищей и последними научными достижениями. Самых красивых женщин и талантливых ученых угнали в рабство в столицу людей-крыс. Царь людей-дельфинов погиб, но небольшой группе людей-дельфинов, в том числе двенадцати старейшинам, удалось бежать морем.

Они отправились на юг и вернулись в страну людей-скарабеев.

Там они тайно проникли в царский дворец. Они напомнили царю скарабеев, как некогда способствовали расцвету его государства. Они прекрасно сознавали, что не смогут действовать открыто, поэтому предложили тайную помощь. В доказательство своих благих намерений они открыли царю то, что было выше религии дельфинов, – тайные знания, восходившие к культу людей-муравьев. Они объяснили, что пирамиды были выстроены по подобию муравейников, и в нижней их трети находилась ложа медиума, принимавшего колебания космических волн.

Царю скарабеев было хорошо известно о многовековой ненависти его народа к людям-дельфинам, однако речь чужеземцев произвела на него впечатление, и он решил тайно предоставить им убежище.

16. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЭХНАТОН

Его звали Аменхотеп IV, но он велел называть себя Эхнатомом, что означает «угодный Атону», богу солнца. Он был первым фараоном-монотеистом и правил с 1372 по 1354 г. до Р. Х.

Немногочисленные, дошедшие до нас статуи изображают его человеком высокого роста, с вытянутым лицом, миндалевидными глазами, ясным взглядом и пухлыми губами. Подбородок его скрыт бородой цилиндрической формы.

Нередко рядом с ним изображают его супругу Нефертити, на голове которой корона. Это свидетельство того, что Аменхотеп даровал ей статус, равный собственному. Говорят, что именно она предложила провести реформы.

Эхнатон хотел модернизировать египетское общество и создать новую империю. Он сверг главное египетское божество Амона-Ра, бога с бараньей головой, и возвел на его трон Атона, бога солнца, объявив его единственным богом. Религиозная революция сопровождалась революцией политической.

Фараон лишил город Уасет (греки позже называли его Фивами), которому покровительствовал Амон, статуса главного города страны и перенес столицу в Ахетатон, посвященный богу Атону (ныне Тель-эль-Амарна).

Слово «атон» означает свет и тепло, а также справедливость и энергию жизни, которая пронизывает Вселенную. Эхнатон ввел в свое правительство нубийцев и евреев. «Атон», несомненно, происходит от слова «адон» или «Адонай», которое было одним из имен Бога на древнееврейском языке. В искусстве наступило время реализма, появились первые изображения людей в кругу семьи, мелочей повседневной жизни, вытеснившие батальные сцены и религиозные сюжеты, которые прежде вдохновляли художников.

Знать быстро приняла «единого и великого бога», заменившего целый пантеон богов. При Эхнатоне влияние египетской империи простиралось от современной Эфиопии до юга Турции. Фараон велел построить для себя гробницу таким образом, чтобы лучи солнца освещали все сооружение.

Однако на пороге уже стояла война. Из Библа (на территории современного Ливана) князь Риб Адди прислал зов о помощи: его владения были атакованы кочевниками, пришедшими из пустыни. Эхнатон, занятый строительством столицы и государственными делами, ничего не ответил. Он также никак не отреагировал, когда индоевропейцы-хетты, пришедшие вслед за племенами хабиру, захватили его северные города. Когда Дамаск, Каднеш и Катна пали от рук захватчиков, Эхнатон наконец собрался послать навстречу врагу армию, но было слишком поздно.

Воспользовавшись военными неудачами фараона-монотеиста, жрецы Амона осмелились обвинить его в ереси. В 1340 г. до Р. Х. военачальник Ахороб возглавил государственный переворот. Эхнатон был убит, а Нефертити вынудили вновь поклоняться богу с бараньей головой. Новую столицу стерли с лица земли, все изображения «фараона-отступника», за редким исключением, уничтожили. Все иероглифы, связанные с именем Эхнатона, стерли.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

17. ЛЬВЫ

Оседлая жизнь людей-львов началась посреди равнин. Они уже построили немало процветающих городов, и каждый охраняла отлично организованная армия. Их цивилизация отличалась не оригинальностью, а жизнеспособностью. Они позаимствовали некоторые приемы у людей-крыс например, в начале битвы бросать в атаку сильные отряды, вооруженные усовершенствованными трехметровыми копьями. Эти отряды могли остановить нападение вражеской конницы. Люди-львы, как и крысы, преклонялись перед воинами. Но они отдавали предпочтение не жестоким героям, а хитрецам.

Люди-львы стремились к завоеваниям. Их флот нападал на торговые корабли людей-дельфинов и людей-китов, и даже на суда людей-быков. Львы захватывали добычу, сокровища, оказавшиеся на борту, и заставляли пленников обучать их всему, что те знали. Вскоре все торговые суда были вынуждены брать на борт вооруженную охрану.

Благодаря умелому ведению сельского хозяйства, население стремительно росло, и, хотя ни один из городов людей-львов не был так развит, как великолепная столица людей-китов, государство людей-львов было могущественной державой.

Царь львов начал с нападения на остров людей-быков. Цивилизация быков была праздничной и радостной. Женщины-быки носили блузы с глубоким вырезом, чтобы подчеркнуть красоту груди. Мужчины-быки выращивали виноград и делали из него напиток, который высоко ценился. Кроме того, несколько людей-дельфинов, живших среди быков, научили их плавать и общаться с дельфинами. Однако торговый флот людей-быков значительно уступал мощным военным кораблям людей-львов. Однажды ночью в город проник вооруженный отряд. Поплутав по узким улочкам, люди-львы схватили в конце концов какую-то молодую женщину и, угрожая ей смертью, заставили показывать дорогу. Девушка подчинилась. Люди-львы пришли за ней ко дворцу, подожгли конюшни и, воспользовавшись поднявшимся переполохом, проникли внутрь.

Они застали царя людей-быков спящим. Он молил о пощаде, но они зарезали его. Уязвимость любой монархии в том, что вся власть сконцентрирована в одних руках. Гибель одного человека влекла за собой гибель всей системы. Несколько оставшихся в живых военачальников, потрясенные такой жестокостью, недолго колебались и перешли на сторону захватчиков.

Остров был присоединен к владениям людей-львов, а сокровища людей-быков без дальнейших проволочек поступили в государственную казну.

Писцы людей-львов сложили легенду, согласно которой доблестный герой, которому помогла влюбленная в него женщина, прошел сквозь огромный лабиринт и проник во дворец тирана. Там он встретил правителя – чудовище с человеческим телом и головой быка. Он пожирал юных девственниц, которых народ приносил ему в жертву. Сражаясь, человек-лев пускается на хитрость, чтобы заставить чудовище оступиться, и добывает его. Затем он берет в жены ту, что помогла ему выбраться из лабиринта. История была так красива, что никто и не думал сомневаться в ее подлинности.

Вдохновленные первыми успехами, люди-львы напали на людей-селедок, морской народ, который построил хорошо укрепленный город на реке. Используя его положение, люди-селедки взимали налог со всех проплывавших кораблей.

Среди них также жило несколько людей-дельфинов, которые обучили их грамоте и привили вкус к собирательству книг. Крепость людей-селедок была защищена лучше, чем город людей-быков, и воины их были более опытными. Война между двумя народами длилась долго. Наконец

противники согласились выставить двух воинов на поединок, который должен был состояться у стен города людей-сеledок.

И снова благодаря предательству людям-львам удалось ночью проникнуть в город и перебить спящих жителей. Осада сильно расшатала нервы людей-львов, и они никого не оставили в живых. За ночь от рук убийц погиб целый народ.

В рассказе о жестоком истреблении людей-сеledок, передаваемом путешественниками из уст в уста, людям-львам приписывалось такое могущество, что некоторые народы предпочли сдаться без боя и попасть в рабство, чем повторить ужасную историю людей-сеledок.

С тех пор люди-львы уже не знали удержу. Они решили покорить весь мир. Слава бежала впереди них.

Победы доставались им без труда до того самого дня, когда они пришли во владения людей-крыс.

В то время государством людей-львов правил горячий юноша, который поклялся утвердить владычество своего народа на всей планете. Ему едва исполнилось 25 лет, он изучал стратегию с лучшими военачальниками-львами и, страстно увлекаясь военным искусством, придумал новую тактику кавалерийских атак с флангов. У людей-крыс была репутация храбрых воинов, но в глазах молодого царя они были лишь первым препятствием на его пути.

Встреча двух сильнейших армий произошла на равнине. 45 000 воинов-львов вступили в бой с 153 000 воинов-крыс. Никогда еще на поле боя не сходились такие армии. Над сражавшимися сверкала молния и грохотал гром.

Чтобы показать противнику свое численное превосходство, люди-крысы выстроились в одну линию, закрывшую горизонт. Они демонстрировали противнику тяжелую пехоту, кавалерию, воинов, вооруженных копьями, пращами и луками.

Люди-крысы привыкли, что стоило им только выстроиться в боевой порядок, как противник уже был готов сдаться. Но на людей-львов это не произвело никакого впечатления.

По приказу молодого царя они построились узким прямоугольником, чтобы противник не мог сосчитать их.

Люди-крысы протрубили атаку.

В ту же минуту из-за строя людей-львов вылетела кавалерия и на всем скаку атаковала фланги противника. К удивлению стрелков-крыс, пытавшихся поразить нападавших стрелами, они не остановились, а помчались дальше и оказались в тылу армии неприятеля.

Кавалерия крыс пошла в атаку, но на поле происходило что-то странное. Большой прямоугольник людей-львов распался на множество небольших квадратов, на фаланги, ошестинившиеся копьями и так надежно окруженные стеной щитов, что всадники-крысы не могли дотянуться до противника. Они пытались атаковать, увлекшись, метались среди фаланг и вдруг оказались лицом к лицу с лучниками львов, стрелы которых косили их, как траву. Рассеявшаяся по всему полю пехота крыс бежала вслед за всадниками и налетала на компактные фаланги львов.

Две фаланги сдвигались как по команде, зажимая противника в тиски.

Крысиная пехота напоминала теперь хлеб, с обоих концов обглоданный ежами.

Только тут воины-крысы заметили, что львиная кавалерия обошла их сзади и атакует. Теперь это уже были не ежи, а хлебоборозка.

Крысы храбро сражались. Но они не могли нанести противнику серьезного ущерба. Мечи и копья противника нисколько не беспокоили людей-львов в отлично защищенных квадратных фалангах, окруженных щитами.

В стане крыс началось то самое колебание, когда становится ясно, что битва завершится отнюдь не победой. Вскоре все уже были уверены, что сражение проиграно. Но кавалерия львов

блокировала тыл и перекрыла фланги, не оставив даже возможности бежать. Бойня продолжалась еще несколько часов.

Наконец зазвучал сигнал к отступлению. Небо стало проясняться, и вдруг, словно из ворот ада, отовсюду на пир стали слетаться полчища каркающих ворон и жужжащих мух.

С превосходством крыс было покончено. Из 153 000 спаслось не более 400 воинов, и то только потому, что противник устал.

Дальнейшие события развивались стремительно. Народы, покоренные крысами, встречали как освободителей армию львов, осененную славой победы в той самой легендарной битве. Накануне вторжения львов в городах крыс повсюду вспыхивали мятежи.

Вскоре от некогда могущественного народа крыс остались лишь вереницы беженцев, спешивших укрыться высоко в горах.

Там им удалось построить укрепленный город, куда стянулись выжившие люди-крысы. Они пытались понять, как же вышло, что они так быстро потеряли все, чем владели. На этот раз они не собирались брать пример с победителей или казнить каждого десятого. Теперь важнее всего было выжить. И избегать любых контактов с захватчиками.

Неукротимого молодого царя львов прозвали Отважным. Следуя за ним, люди-львы, полные энтузиазма, отправились покорять людей-крокодилов и загнали их в болота. Люди-жабы также не выдержали натиска, но люди-термиты оказали такое яростное сопротивление, что львы остановили свое продвижение на восток и повернули на юг. Они пересекли бывшие земли людей-дельфинов и двинулись дальше, в страну скарабеев.

Там Отважный действовал еще более блистательно. Смелые маневры фаланг и кавалерии уступили место дипломатии. Царю львов пришла мысль подчинить себе царей, оставляя их на тронах – как вассалов. Мягкое обхождение с противником приносило немалую пользу: побежденные правители прекрасно знали свою страну и способы управления ею. У покоренных народов оставалось меньше поводов бунтовать. Кроме того, этот ход создавал Отважному репутацию «победителя, но не мучителя», и побежденным было легче смириться с новым владыкой.

Люди-львы воспользовались этой дерзкой идеей, чтобы присваивать себе открытия и достижения побежденных народов. Обнаруживая в разных городах кварталы людей-дельфинов, они поняли, что их следует использовать как своего рода интеллектуальный резерв.

Художников и ученых из народа дельфинов по приказу Отважного снова стали селить в особых кварталах. Молодой царь даже выстроил целый укрепленный город, где люди-дельфины могли спокойно трудиться, пользуясь всевозможными удобствами. Они сторицей воздали ему за щедрость.

Со времени основания этого города язык людей-дельфинов во всем государстве людей-львов стал считаться языком науки.

Ученый-дельфин, наблюдая в день летнего солнцестояния за отражением солнца в колодце, изобрел способ измерения углов, который позволил узнать, как велика вся планета. Другой ученый, сомневаясь в истинности своих чувств, написал философский трактат. Третий установил правила, действующие в театральном мире, – единство места, времени и действия. Театр утратил религиозный характер и стал развлечением.

В городе, находившемся под защитой людей-львов и населенном людьми-дельфинами, науки и искусства питали друг друга.

18. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: МИЛЕТ

Милет – город, расположенный в области Иония в Малой Азии. Здесь зародилось научное движение, представителями которого были Фалес, Анаксимандр и Анаксимен. Их объединяло то, что все они выступали против древней космогонии Гесиода, утверждавшего, что мир создан богами, имеющими человеческий облик. Их понимание священного подсказывало, что следует отвергнуть антропоморфизм и искать божественный принцип в природе. По мнению Фалеса, бог был водой, Анаксимен считал, что он – воздух, Анаксимандр полагал, что бог безграничен. Четвертый философ, Демокрит, родившийся в середине V в. до Р. Х., утверждал, что Вселенная наполнена атомами, которые произвольно перемещаются в пространстве. При их сближении возникают различные миры, таким же образом возник и человек.

Позже воспитанные в традициях милетской школы Сократ и его ученик Платон, жившие в Афинах, к западу от Милета, положили начало греческой философии. Чтобы лучше понять мир, в котором живет и развивается человек, Сократ сравнил его с пещерой. Он считал, что обычный человек напоминает сидящего в пещере спиной к выходу пленника, который не может разорвать оковы своего ничтожного существования. Пленник видит на стенах тени освещенных предметов, движущихся за его спиной, и считает, что эти тени и есть реальность. Однако это лишь иллюзии. Если пленника освободить и заставить обернуться, увидеть предметы, которые отбрасывают колеблющиеся тени на стены пещеры, а также огонь, которым они освещены, он придет в ужас. Если затем подтащить его к выходу из пещеры, то, узрев настоящий свет, он почувствует боль и может ослепнуть. Но если он продолжит свой путь, то научится смотреть прямо на солнце, истинный источник света.

Сократ считал, что пленник этот – философ. Если он повернется к выходу из пещеры и расскажет о том, что видит, никто из сидящих рядом не поверит ему, и те, кого он стремился освободить от лжи и иллюзий, предадут его смерти.

В 399 г. до Р. Х. Сократа обвинили в безбожии и развращении молодежи. Его заставили выпить цикуту, сильный яд.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

19. СИЗИФ ПОДВОДИТ ИТОГИ

В зале вспыхивает свет. История смертных на «Земле-18» продолжается теперь без нашего участия. Боги-ученики моргают и щурятся, они устали разглядывать свои народы в увеличительные стекла анкхов.

Я вдруг замечаю, что вспотел, меня бьет дрожь. Слово я только что выписал на самолете «восьмерку» и в моей крови бурлит адреналин. Теперь я понимаю, зачем нам, богам, тела. Эта оболочка позволяет нам испытывать сильные чувства.

Наблюдение за людьми словно наркотик. Ты отдаешься этому, и все остальное не имеет значения.

Я слезаю со скамейки. Во рту пересохло, и такое чувство, будто я посмотрел спектакль или фильм с плохим концом.

Людям-львам Этьена Монгольфьера хватило одного сражения, чтобы разгромить могущественный народ, господствующую цивилизацию прудоновских людей-крыс. От всего, что создали люди-крысы, остался только укрепленный город высоко в горах, куда они, словно их животное-тотем, забились в страхе.

Это заставляет задуматься. Любая цивилизация может погибнуть. Мало того, разрушить ее может самый обычный человек, обладающий достаточной решимостью. Как говорил Эдмонд Уэллс, одной капли достаточно, чтобы переполнить океан.

Подумать только, ведь в предыдущей игре людей-крыс от победы отделял всего один шаг, а люди-львы Монгольфьера плелись в хвосте. Теперь же они завладели сотней крупных городов, тысячами гектаров земли, не говоря уже о знаниях и технологиях, которых им не хватало, о сокровищах, запасах пищи и полезных ископаемых. Победа львов вернула надежду отстающим ученикам. Явился молодой решительный царь, которому пришло в голову несколько идей, их даже не назовешь особо оригинальными, просто несколько хитростей – ввести построение фалангами, удлинить копья, повысить мобильность кавалерии, – и банк сорван.

Я помню, как мой друг-велосипедист, принимавший участие в гонке «Тур де Франс», объяснял мне: «На самом деле все решает середина. Тот, кто вырывается вперед, рискует, лишен защиты и вынужден выкладываться на полную катушку. В хвосте паникуют, безуспешно рвутся вперед и тоже выматываются. А вот те, кто посередине, поддерживают друг друга. В этой группе даже возникает особый динамический эффект, позволяющий беречь силы. Именно там идет основная игра.

Внутри этой группы велосипедисты переговариваются, заключают сделки, меняются местами. Они устанавливают очередность и дают друг другу выиграть на разных этапах, чтобы каждый пережил свои минуты славы». Потом мой друг добавил: «С самого начала известно, кто победит. Достаточно одного подъема в гору, чтобы стало ясно, кто это будет. Тем не менее нужно отыграть все представление. В этом заинтересованы все, в первую очередь спонсоры. Вот мы и устраиваем шоу».

Меня поразила тогда изнанка «Тур де Франс». Но, глядя на то, как идет наше соревнование, я думаю, что мы ведем себя примерно так же. Не следует особенно высовываться, нельзя плестись в хвосте, нужно влиться в среднюю группу и в конце каждого раунда договариваться между собой.

Сара Бернар произносит вслух то, что думают многие:

– Полагаю, мы все можем поздравить Этьена с таким прекрасным рывком вперед.

Все взгляды прикованы к претенденту на победу.

Сара Бернар аплодирует, к ней присоединяются остальные. Все встают, Этьен Монгольфьер

раскланивается.

Меня немного успокаивает то, что мои люди находятся под его защитой. У меня могущественный покровитель. Наконец-то мои ученые могут работать в лабораториях, а художники – в мастерских, не боясь преследований и расизма. Благодаря Монгольфьеру у моего народа наступила передышка.

Прудон, бог-ученик, покровительствующий людям-крысам, сидит молча. Его подавленность только увеличивает общее ликование: ничто так не радуется, как вид вредителя, лишенного возможности вредить.

Некоторые, однако, хлопают довольно сдержанно. Они не забыли, что стало с людьми-быками и с людьми-селедками. «Возможно, один хищник просто сменил другого», – думают они.

Младший преподаватель Сизиф снова включает освещение над планетой и приглашает всех взглянуть на результаты работы, прежде чем подводить итоги.

Мы собираемся вокруг, некоторые придвигают скамейки, раскладывают небольшие стремянки, чтобы подняться на высоту экватора «Земли-18».

Я разыскиваю общины моего народа, рассеянные по всему миру. Ведь мои люди-дельфины живут не только в городах, находящихся под защитой львов.

Чтобы лучше видеть, я прикиваю к лупе, встроенной в мой анкх. Люди-дельфины путешествуют заключают союзы с другими народами, занимаются торговлей. Своими знаниями они покупают миролюбивое отношение соседей, им удается выжить. Окажись я на их месте, я бы не знал, что делать. Пройдя столько испытаний, они, кажется, научились покорно принимать свою участь.

У меня складывается впечатление, что я взял судьбу людей-дельфинов из истории «Земли-1». Но где же еще искать логически выстроенный сценарий, как не в первоистории?

Мы, боги-ученики, поступаем как дети, которые, повзрослев, копируют семью своих родителей как единственный известный им пример. Если «Земля-18» во многом похожа на «Землю-1», то происходит это, конечно же, потому, что богам-ученикам просто не хватает воображения, они не решаются придумать что-то действительно новое. Что помимо войны, строительства городов, дорог и оросительных систем, помимо сельского хозяйства, начатков искусств и наук подсказываем мы нашим смертным?

В искусстве быть богом я должен создать собственный стиль, непохожий на другие. Мне не хватает оригинальности. Чтобы придумать для моего народа доселе небывалую, неповторимую историю, я должен забыть все, что еще помню из учебников «Земли-1». В конце концов, разве во время событий на острове Спокойствия мои люди-дельфины не показали, на что способны?

Пусть у них больше нет собственной земли, но у них есть книги. Научные труды станут их новым нематериальным государством.

Значит, я должен делать ставку на развитие наук. Было бы хорошо, если бы они быстро научились строить машины и самолеты.

Химии как таковой пока не существует. Может быть, соединить химию с мистикой, пойти коротким путем, создать нечто вроде алхимии или каббалы? Ведь Ньютон, хотя об этом редко вспоминают, был алхимиком и страстно искал разгадку тайны философского камня.

Сизиф начинает проверять нашу работу. Он ничего не записывает, а просто запоминает то, что привлекло его внимание. У него цепкий взгляд. Дойдя до меня, он спрашивает:

– Вы действовали через пророка?

– Через медиума, который оказался там. Я подумал, что он мог бы направлять их порывы в нужное русло. В любом случае они бы выпутались сами, с ним или без него. – Я стараюсь преуменьшить степень своего вмешательства.

О нет, только не то, что устроила мне тогда Афродита! Потребовала, чтобы я утопил мой остров.

– Знаю, лучше обходиться без чудес и пророков, но...

– Я не люблю пророков, – говорит Сизиф. – Я всегда считал это жульничеством.

Поставленную задачу нужно решать изящнее.

– Мои люди были в рабстве. Необходимо было оказать им поддержку.

Сизиф скребет бороду.

– Вы уверены?

– Кроме того, им ведь нужно было пересечь пустыню, не зная, что впереди. Они никогда не решились бы на это, если бы у них не было вождя, который мог бы увлечь толпу. Они бы умерли от жажды, они могли заблудиться.

Сизиф достает небольшую записную книжку, листает ее:

– Мне кажется, ваши люди-дельфины вместе с людьми-муравьями уже отправлялись навстречу неведомому, рискуя при этом жизнью. В тот раз путешествие закончилось тем, что они, живые и невредимые, высадились на остров. Тогда обошлось без пророков.

Им известно все.

– Верно. Настоящего пророка не было, но с ними плыла женщина-медиум.

Сизиф понимающе кивает.

– Ну, за исключением этой мелкой детали. Похоже, у вас прямо-таки талант устраивать своим смертным неприятности.

– Я бы выразился иначе. Я не делаю ничего особенного. Неприятности происходят сами собой.

– И чем вы это объясняете, господин Мишель Пэнсон? Невезением?

– Я бы думал именно так, не будь я богом-учеником. Но, зная то, что мне теперь известно, я скажу, что у нас, людей-дельфинов, есть традиция жить свободными и бороться с тиранами. И вполне закономерно, что мы вызываем недовольство врагов свободы.

– Значит, у ваших коллег нет такой традиции?

Я чую подвох.

– Вовсе нет. Они стремятся к той же цели, но знают, что сначала народ нужно крепко держать в руках, воспитать, а лишь затем дать ему свободу, иначе люди ее просто не оценят. Вероятно, я слишком рано позволил своему народу почувствовать ее вкус.

Сизиф одобрительно смотрит на меня. Я продолжаю:

– Именно поэтому у меня столько проблем, в том числе и внутренних. Я прекрасно вижу, что люди-дельфины до такой степени злоупотребляют свободомыслием, что не могут достигнуть согласия между собой. Все очень просто, они одержимы таким духом противоречия, что там, где собираются двое людей-дельфинов, возникает три мнения.

Бог-преподаватель настраивает свой анкх, чтобы лучше видеть, что происходит на планете. Он переходит к Прудону.

– Я покончил с амазонками. Все остальное – обычные неурядицы. У любого живого организма периоды бурного развития сменяются спадом активности. Скажем так, мой народ залег в спячку, чтобы восстановить силы, – оправдывается анархист.

Сизиф продолжает рассматривать «Землю-18», потом снова поднимается на возвышение, чтобы объявить победителей и проигравших. Разумеется, все ждут, что наградят Этьена Монгольфьера, но преподаватель называет другое имя.

– Победили люди-тигры Жоржа Мельеса.

Все изумлены. Цивилизация Жоржа Мельеса развивалась в стороне от зоны основных конфликтов, и мало кто из нас наблюдал за людьми-тиграми. Теперь я вижу, что на своей

огромной территории, отделенной от соседей высокими горами, Мельес спокойно смог реализовать все, что я еще только собирался сделать: у его народа есть большие города со своей особой архитектурой, научные и художественные учебные заведения. Жизнь людей-тигров строго регламентирована. Они не подвергались нашествиям и достигли огромного прогресса в медицине, гигиене, мореплавании и картографии. В металлургии они превзошли всех. Лемехи плугов были усовершенствованы, и люди-тигры теперь собирают более высокие урожаи, чем соседи. Мельес подсказал медиуму использовать пшеничную муку для приготовления «лапши». Этот новый продукт удобно хранить. В отличие от хлеба, который плесневеет и засыхает, лапша долго остается пригодной для употребления в пищу. Достаточно опустить ее в кипящую воду, и она становится мягкой. Люди-тигры пользуются тачками, оснащенными парусом и колесом, расположенным посередине, это облегчает перевозку тяжестей.

Сизиф обращает наше внимание на то, что Жорж Мельес сильно обогнал нас, потому что в его городах появились заводы.

– Это уже не царство, а современная индустриальная империя, – говорит он.

Младший преподаватель предлагает нам оценить работу нашего товарища. Мы видим огромную территорию с процветающими городами, в некоторых насчитывается до нескольких десятков тысяч жителей. Города связаны между собой целой сетью дорог, окружены засеянными орошаемыми полями, которые расположены на склонах гор ступенями, чтобы потоки дождевой воды могли стекать вниз.

В сельском хозяйстве внедрена система выработки удобрений из человеческих экскрементов. Люди-тигры умело пользуются этими удобрениями, так что могут не бояться эпидемий. Целые города специализируются на вывозе удобрений, изготовленных из отходов человеческой жизнедеятельности.

Столица людей-тигров процветает. Портные шьют одежду из тканей, сделанных из нитей гусениц.

Влияние образованных слоев общества сказывается в том, что все подчинено строгим законам – музыка, живопись, поэзия, скульптура. Гастрономия также считается искусством: огромное разнообразие продуктов позволяет сочетать их самым невероятным образом. Смертные, которым покровительствует Жорж Мельес, особенно любят готовить из мелко нарезанных овощей, фруктов и мяса блюда, где перемешиваются разнообразные вкусы.

Успех людей-тигров бесспорен. Они решили все проблемы, связанные с удовлетворением первоочередных потребностей, безопасностью и обеспечением себя пищей, и могут спокойно заниматься решением задач другого уровня, связанных с культурой, комфортом, накоплением знаний.

Игра остановилась в тот момент, когда искусства и науки в империи тигров были посвящены Луне. Над «Землей-18» висит такая же Луна, как над «Землей-1». Правда, она немного меньше, чем та, которую я видел, когда был смертным. Художники-тигры созерцают ее, мечтают о космических путешествиях, изображают Луну на картинах, воспевают в стихах, пишут о ней музыку.

Мельес действительно лучше всех воспользовался советами Сизифа. Религия у него основана на противопоставлении и взаимодополняемости мужского и женского начал. Я-то воображал, что предложил нечто новое, когда выдумал бога Света. Как же мне еще далеко до этой изящной концепции! Нужно было выдумать двуликого бога, который был бы и тенью, и светом, вот тогда моя идея была бы более завершенной.

В своих лабораториях люди-тигры создали порох, который пока используют только для фейерверков. Открыв свойства магнита, они изобрели компас, чтобы корабли не сбивались с пути в тумане.

Империя людей-тигров утонченная, но от этого не менее могущественная. Армия, обеспечивающая единство территории, образовавшейся путем поглощения множества мелких соседних государств, необыкновенно сильна. Один философ изобрел игру, основанную на законах военной стратегии, – в ней нужно передвигать фигуры на доске. Теперь и война стала искусством.

– Успех Жоржа Мельеса, – объясняет Сизиф, – основан на силе «N». До сих пор многие из вас, например Мишель Пэнсон, были уверены в превосходстве силы «A», силы «ассоциации», связей. Или силы «D», силы «доминирования», как Прудон. Очень немногие попытались найти нечто среднее. Однако мудрое решение находится именно посередине и заключается в том, чтобы избегать крайностей. Пример империи тигров доказывает, что нейтральная система может оказаться очень эффективной.

Он пишет на доске: «Отсутствие намерений».

Боги-ученики перешептываются. Я всегда считал нейтральную силу силой бездействующей. Я представлял себе спящего толстяка, безвольного человека, лишённого всяких убеждений. Господин Нейтрон – он смотрит, как плохие бьют хороших, и ждет, кто победит. Теперь мое представление об ADN изменилось. Нейтральные могут побеждать, и побеждать красиво.

Сизиф продолжает называть победителей:

– На втором месте Фредди Мейер и его люди-киты.

Надо же, на его народ я тоже не обратил внимания. Конечно, мои корабли не раз мирно проплывали мимо его судов, но я совершенно не интересовался развитием его цивилизации. Он, как и многие другие, предоставил убежище представителям моего народа и воспользовался их знаниями.

Я вижу, что мои люди-дельфины помогли его людям-китам построить замечательный город. В этом вытянутом вдоль берега порту корабли причаливают к суперсовременным сооружениям; доки высотой в несколько этажей, и корабли перемещаются вверх и вниз при помощи системы гидравлических подъемников.

Люди-киты бороздят океаны, открывают торговлю с другими странами, – чувствуется влияние моих людей-дельфинов. На их флагах изображена огромная рыба, и моряки-киты повсюду распространяют язык и письменность моего народа.

Они также хранят воспоминания о райском острове Спокойствия, откуда они будто бы родом. Мой остров!.. Они присвоили даже мои легенды!

– Я должен поблагодарить Мишеля, – заявляет Фредди Мейер. – Его народ послужил закваской для моего. Без него мне не удалось бы добиться такого успеха.

Официально выраженная благодарность глубоко трогает меня. Но я не могу удержаться от мысли, что великолепный город людей-китов, где говорят на моем языке и рассказывают мою историю, должен был построить я.

Я встаю.

– В свою очередь я должен вспомнить Эдмонда Уэллса, чей народ муравьев некогда вдохновлял моих людей-дельфинов. Мы все здесь для того, чтобы обмениваться наследием, передавать друг другу общие ценности. И неважно, кто это делает – я или ты, Фредди. Главное, чтобы они сохранились.

Сизиф прерывает наш обмен любезностями.

– Фредди Мейер, – объявляет он, – представляет силу «A», силу союза^[9]. Перейдем теперь к силе «D».

Младший преподаватель смотрит на нас, на мгновение задерживает взгляд на Прудоне, и продолжает:

– На третьем месте – Монгольфьер и его люди-львы. Народ, который начал почти на пустом

месте и многого добился. Он завладел не только землями соседей, но и знаниями, и смог, усвоив их, создать нечто глубоко индивидуальное. Это действенная стратегия.

– Позволю себе заметить, что мои люди-львы не только копировали других, но и сами кое-что изобрели. Взять хотя бы... кабачки в виноградных листьях. Такого на «Земле-18» больше нигде нет.

В ответ на это замечание раздаются смешки.

Я незаметно выцарапываю на деревянной крышке стола: «Спасите “Землю-18”, это единственная планета, где есть кабачки в виноградных листьях».

– Я изобрел алфавит, в котором не используются идеограммы, – добавляет он.

– Это идея Мишеля и его людей-дельфинов, – напоминает Сизиф.

Этьен смотрит на меня и пожимает плечами.

– А мой театр? А философия?

– Это достижения художников и ученых, которым вам хватило ума предоставить убежище, но это не ваше.

– Ну и что? – спрашивает Этьен. – Будем ставить копирайт на изобретения богов?

Эта мысль кажется Сизифу забавной.

– Почему бы и нет, нужно будет подкинуть идею Старшим богам.

Этьен Монгольфьер не понимает, издевается над ним преподаватель или нет. Чувствуя себя неуверенно, он мрачнеет и начинает бормотать какие-то разъяснения о своей цивилизации.

Список богов-учеников, остающихся в игре, продолжает пополняться.

В этом списке я на шестьдесят третьем месте. Сизиф штрафует меня за пророка. И за то, что мой народ рассеян. Действительно, мои люди так разбросаны по земле, что я не успеваю за ними следить. Я и не знал об успехах людей-дельфинов, живущих с китами. Сизиф добавляет, что если бы я был внимательнее, то обнаружил бы еще один небольшой дельфиний городок, процветающий в стране людей-термитов Эйфеля, а другой – в землях людей-тигров.

– Я считаю, Мишель, твоя главная ошибка – низкий уровень рождаемости. Хорошо, конечно, когда качество превосходит количество, но на этом этапе игры недостаточное количество детей означает, что твоему народу не хватит защитников. Даже самая лучшая стратегия не поможет, если мало пехоты. Пока нет солдат, ты всегда будешь зависеть от других. И они не станут защищать тебя даром.

Рауль и его люди-орлы почти на одной ступени со мной. Он переселил свой народ на полуостров, к западу от земель людей-львов. Рауль еще не установил окончательно границы своих владений. И тоже ничего не изобрел.

– Спешить некуда, – шепчет он мне. – Пока не исключили, можно действовать и развиваться. Монгольфьер прекрасно доказал – надо ждать своего часа.

Сизиф подходит к своему столу и, морщась, выпрямляется.

– В заключение хочу напомнить вам закон Ильича. Военная или экономическая стратегия, срабатывавшая много раз, рано или поздно перестает действовать. А если продолжать ее применять и дальше, она даст обратный эффект. Поэтому постоянно проверяйте себя, избегайте банальных решений, будьте изобретательны, не почивайте на лаврах, не позволяйте неудачам выбивать вас из колеи. Пусть вам доставляет удовольствие превосходить самих себя. Действуйте по-новому.

«Действовать по-новому», – подчеркивает он мелом на доске.

– Курс истории смертных представляется мне иногда живой спиралью. Постоянное возвращение к одному и тому же, но всякий раз на более высоком уровне. О поражении можно было бы говорить только в том случае, если бы вы просто ходили по кругу, не поднимаясь вверх.

– Кто на этот раз проиграл? – раздается нетерпеливый вопрос.

– В этом раунде мы потеряли два народа, – отвечает Младший преподаватель. – Людей-быков и людей-селедок, которые погибли вместе со своим городом. Из игры выбывают два богачника, покровительствовавшие этим народам, а также ученик, оказавшийся позади всех.

Пауза.

– Клеман Адер. Итого получается $83 - 3 = 80$. 80 учеников остаются в игре.

Пионер авиации выглядит удивленным:

– Мне послышалось? – спрашивает он.

– Вы создали великолепную цивилизацию. Она достигла зенита славы и рухнула. Посмотрите, до чего вы докатились: в самом сердце вашей цивилизации людей-скарабеев братья и сестры царя устраивают заговоры. Их племянники и племянницы соревнуются, кто кого быстрее отравит. Даже ваши жрецы убивают друг друга.

– Зато мы ни с кем не воюем.

– У вас полный упадок. Никаких изобретений, открытий, ничего мало-мальски нового. Даже ваше искусство основано на перепевах прошлого. Вы живете только воспоминаниями о былой славе.

Клеман Адер шумно дышит.

– Это... это из-за Мишеля! Приняв его людей, я способствовал упадку моего народа.

– Легко винить других, – возражает Сизиф. – На самом деле вы должны благодарить вашего товарища. Без него ваше падение произошло бы еще раньше. «Его люди», как вы выражаетесь, оказали вам значительную помощь. Они играли вашу партию, а не вы. Вы убили курицу, которая несла золотые яйца.

Клеман Адер сдерживается, и Сизиф продолжает.

– Вместо того чтобы отнестись к ним с уважением, вы превратили их в рабов и преследовали так жестоко, что им оставалось только бежать. Если вы видите, что меньшинство способствует вашему процветанию, лучше не восстанавливать против него остальную часть населения. Ревность к меньшинству, добившемуся успеха, самый легкий путь для демагога.

Клеман Адер очень странно смотрит на меня. Ледяным холодом веет от его взгляда.

– Если бы ваши народы поддерживали отношения равноправного сотрудничества, то ученые и художники Мишеля все еще трудились бы на благо вашей цивилизации. Люди-львы прекрасно поняли это: курицу, несущую золотые яйца, не убивают, – повторяет Сизиф.

Я предпочитаю промолчать.

Клеман Адер резко бросает в мою сторону:

– Я лучше проиграю без тебя, чем выиграю с тобой. Я жалею только об одном – о том, что принял твои корабли и дал убежище твоему выжившему народу. Но меня утешает, что твоя жалкая цивилизация, которая уже рассеяна по всей земле, вскоре тоже погибнет и отправится вслед за мной на кладбище.

Потом, обращаясь ко всем присутствующим, продолжает:

– Давайте же, добейте его!

Я не отвечаю.

Но мое молчание не успокаивает Адера, а лишь больше выводит из себя. Он бросается на меня, начинает душить. Рауль оттаскивает его.

Сизиф тут же вмешивается. Щелчок пальцами, и кентавр хватается Клемана Адера.

– Терпеть не могу плохих игроков, – вздыхает Сизиф.

Теперь весь класс с любопытством смотрит на меня. Что я им всем сделал? Я единственный, кто никогда никого не завоевывал. Никого не обращал в свою веру. На моей совести ни одной резни.

– Не знаю, во что я превращусь, – выкрикивает Клеман Адер, которого уволакивает

кентавр, – но поверь, Мишель, я постараюсь сохранить глаза и руки, чтобы аплодировать, когда тебе придет конец.

Огюст Роден, бог людей-быков, и Шарль, бог, покровительствовавший людям-селедкам, уходят сами, печально попрощавшись с нами.

Воцаряется тишина.

– Я хочу сказать еще одну вещь, прежде чем мы расстанемся, – говорит Сизиф, озабоченно нахмурившись. – Похоже, что среди вас есть богоубийца, который убивает других учеников. Если я правильно понял, его ожидает такое же наказание, как и меня. Я не знаю, кто это и почему он так поступает, но у меня есть для него совет – оставь это дело.

Мы выходим молча, с чувством глубокого уважения к этому странному поверженному царю. Эриния уже явилась за ним и заковывает его в цепи. Сизиф покорно возвращается к своему камню.

20. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ШУМЕР И ОДИННАДЦАТАЯ ПЛАНЕТА

На шумерских табличках встречается упоминание об одиннадцатой планете Солнечной системы. По мнению исследователей Ноа Крамера, Джорджа Смита (Британский музей), а позднее и русского археолога Захарию Ситчина, шумеры называли ее «Нибиру». Период ее обращения по очень широкой эллиптической орбите – 3600 лет. Планета, расположенная на наклонной оси, двигалась по своей орбите в сторону, противоположную движению других планет. Нибиру пересекла всю Солнечную систему и некогда вплотную приблизилась к Земле. Шумеры считали, что на Нибиру существует внеземная цивилизация, там живет народ аннунаки, что в переводе с шумерского означает «сошедшие с небес». На табличках есть записи о том, что они очень высокого роста, от трех до четырех метров, и продолжительность их жизни составляет несколько столетий. Но 400 000 лет назад аннунаки почувствовали приближение погодного катаклизма, грозящего страшным похолоданием. Ученые предложили распылить золотую пыль в верхних слоях их атмосферы, чтобы создать защитное облако. Когда Нибиру достаточно приблизилась к Земле, аннунаки сели в свои космические корабли, выглядевшие как длинные, сужавшиеся впереди капсулы, извергавшие пламя из задней части, и под командованием капитана Энки приземлились в районе Шумера. Там они создали аэропорт, названный Эриду. Но не найдя там золота, они начали исследования по всей планете и наконец обнаружили то, что искали в одной долине на юго-востоке Африки, в центре области, расположенной напротив острова Мадагаскар. Сначала рабочие-аннунаки под руководством Энлиля, младшего брата Энки, строили и разрабатывали рудники. Но вскоре они взбунтовались, и ученые-инопланетяне во главе с Энки решили методом генной инженерии создать слуг, используя гибриды на основе приматов Земли. Так 300 000 лет назад появился человек, единственным предназначением которого было служить инопланетянам. В шумерских текстах говорится, что аннунаки быстро заставили людей уважать себя, ибо у них был «глаз, расположенный очень высоко, который видит насквозь всю Землю», и «огненный луч, пробивающий насквозь любое вещество». Добыв золото и закончив работу, Энлиль получил приказ уничтожить человеческий род, чтобы генетический эксперимент не нарушил естественного хода событий на планете. Но Энки спас несколько человек (Ноев ковчег?) и сказал, что человек заслужил право жить дальше. Энлиль рассердился на своего брата (возможно, эта история пересказана в египетском мифе – роль Энки досталась Осирису, а Энлиль стал Сетом) и потребовал созвать совет мудрейших, который решил позволить человечеству остаться жить на Земле. И 100 000 лет назад аннунаки впервые стали брать в жены человеческих дочерей. Они начали по капле передавать людям свои знания. Чтобы поддерживать связь между двумя мирами, они создали на Земле царство, правитель которого был посланником с Нибиру. В его обязанности входило передавать сообщения, полученные от аннунаков. Чтобы пробудить в себе внеземную составляющую, цари должны были употреблять священный продукт, который, кажется, представлял собой менструальные выделения цариц аннунаков, содержащие инопланетные гормоны.

Во многих ритуалах других религий встречается символика этого странного обряда.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

21. БОЛЬШОЙ ПРИСТУП МЕЛАНХОЛИИ

В наших бокалах красное сладкое вино.

Нам подают его потому, что обитатели «Земли-18» открыли для себя виноград и разнообразные способы его переработки. Мы ужинаем в Мегароне, столовой богов-учеников.

К вечеру я мрачню – это следствие напряженного дня. Я сажусь в стороне от друзей, мне ни с кем не хочется разговаривать. Я чувствую, что мои люди-дельфины обречены. Они стараются изо всех сил, постоянно что-то изобретают, заключают союзы, но их с трудом терпят в мире варваров, где правда всегда на стороне сильного.

Мой взгляд невольно обращается к вершине горы.

На память вдруг приходит «Танец на вулкане», старая песня группы «Genesis». В припеве примерно такие слова:

«Поспеши достичь вершины.
Ты на полпути,
Твоя ноша в тягость тебе.
Брось ее, она не нужна на вершине.
Но помни, никогда не смотри назад.
Чтобы ни случилось, шагай уверенно.
Так герои идут вперед среди огня и битвы.
Марш-марш левой, иди вперед к свету.
Вершина этой горы – вершина мира».

На полпути... Неужели я еще только на полпути?

Поодаль Мата Хари, Фредди, Густав, Жорж Мельес и Рауль сидят вместе и пьют более крепкий напиток из подогретого сладкого вина. Они предлагают его и мне, но я отказываюсь. Положив голову на руки, словно вареное яйцо на подставку, я думаю.

В конце концов, я бы должен радоваться, что мой народ пережил столько опасностей и сбросил иго людей-скарабеев. Но нет, мне кажется, что все мои усилия напрасны. Я влюбляюсь в Афродиту, и она меня предает. Я привязываюсь к своему учителю Эдмонду Уэллсу, и Атлант уничтожает его. Даже Мэрилин, самая красивая и нежная из нас, гибнет от руки убийцы, и вот я остался один и чувствую себя потерянным в этом раю.

Даже богоубийца не слишком меня пугает. Пусть он убьет меня, и со всем этим будет покончено. Не такой уж я хороший бог-ученик. Изо всех сил стараюсь вести мой народ правильным путем, а для чего, зачем?

Я снова смотрю на гору. Кто там, на вершине?

ЕГО ли глаз мы видели над равниной?

Почему мы вызываем ЕГО интерес?

Предположения возникают одно за другим. Может быть, он восхищается нами? А может быть, там, наверху, усталый циничный бог развлекается, глядя, как выбиваются из сил и гибнут те, кто пытается подражать ему или догнать его? Тогда его глаз похож на глаз человека, наклонившегося над клеткой с хомяками. Им он тоже должен казаться огромным.

Мне приходит в голову еще одна мысль.

А если мы в аду? Если цель игры – поджаривать нас на медленном огне, заставив поверить, что мы можем влиять на ход событий, в то время как на самом деле мы совершенно бессильны? Вдруг быть богом – это наказание для самоуверенных душ?

В таком случае если пребывание здесь считать наказанием, то меньше страдает тот, кто раньше других выбыл из игры. Бегемоты во время засухи прячутся в лужах грязи. Воды становится все меньше, и среди животных вспыхивают жестокие драки. В конце концов остается один победитель. Он медленно умирает под лучами палящего солнца, окруженный трупами поверженных противников.

«Вероятно, мы находимся внутри романа», – думал Эдмонд Уэллс.

«Мы в реалити-шоу», – предполагал Рауль.

«Мы на бойне, – говорил Люсьен Дюпре. – И вы становитесь сообщниками убийц развитых цивилизаций».

Дюпре. Первый, кто добровольно покинул игру. Он с отвращением отказался играть, как только услышал правила. А что, если он был прав?

Мне бы хотелось быть таким же добродушным, как мой друг Фредди Мейер, который, даже потеряв возлюбленную, держится очень достойно. «Грех не взрастить радость в своей душе», – утверждает старый раввин.

Зима разносит еду. Кабачки в виноградных листьях, лапша, рисовые колбки, начиненные овощами и маленькими кусочками мяса. Нам снова подают блюда, которые придумали наши смертные, участвующие в игре. Оформлению блюд также уделено внимание – на наших тарелках украшения, вырезанные из моркови, леса из салатных листьев.

Они продумали все. Даже за едой мы остаемся в игре. Со времени первых трапез, когда мы ели только сырые яйца, меню существенно расширилось, и нам это нравится.

Ора приносит новые амфоры с вином. Я отпиваю большой глоток красной густой жидкости. Как вкусно! Вино растекается по небу, согревает меня. Все продукты, мясные ли, растительные, как правило, мертвы. Вино же кажется мне живым напитком. Я пью эту свежую кровь растений. Пью еще и еще. В моей голове что-то начинает шевелиться, будто оба полушария трутся друг о друга.

– Мишель, с тобой все в порядке?

Полушария остановились. События в моей голове вдруг выстроились как по линейке. Я еле ворочаю языком, слова сами срываются с моих губ.

– Люди-скарабеи, такая чудесная цивилизация рухнула как карточный домик. Они этого не заслужили, – с трудом говорю я.

– Они же преследовали твоих людей. Ты должен радоваться их провалу.

– Они заслужили право жить. Это была настоящая, самобытная цивилизация. Нельзя выбрасывать на свалку тысячелетнюю культуру. Это... НЕПРИСТОЙНО.

На лице Рауля появляется хорошо знакомое мне сочувствующее выражение:

– Где идиллическое сообщество Люсьена Дюпре на «Земле-17», где люди-черепахи Беатрис? Женщины-амазонки Мэрилин Монро? – вопрошаю я.

Рауль отодвигает от меня амфору. Я продолжаю:

– А если взять «Землю-1»? Шумеры, вавилоняне, древние египтяне, пришедшие за ними критяне парфянцы, скифы, мидяне, аккадцы, фригийцы, лидийцы. Все эти народы тоже имели право на существование, но исчезли. ИСЧЕЗЛИ! Ф-р-р-р! И больше ничего!

– Ты знаешь, я верю, что дарвиновская теория справедлива и в отношении цивилизаций. Самые слабые и наименее приспособленные гибнут, – отвечает он.

– Я не люблю Дарвина. Он оправдывает «исторический цинизм».

Я снова завладеваю амфорой и наливаю себе еще вина. Во рту тепло, зубы пощипывает, и мозг снова закипает. Я верчу стакан в руках и пристально разглядываю его.

– Я помню документальные фильмы о животных, которые видел на «Земле-1». Крупные хищники, преследуя газелей, ловили отстающих.

Я собираюсь налить Раулю, но он жестом отказывается.

– И где здесь связь с гибелью цивилизаций?

– Мне всегда было интересно, как им удастся снимать эти кадры замедленной съемкой.

Известно же, что при этом мотор камеры должен крутиться очень быстро, и пленки тратится довольно много. Как поймать хороший кадр, если газели чаще всего удастся удрать? Как, я тебя спрашиваю?

– Не знаю.

– На самом деле все заранее подстроено. В заповедниках есть зоны, специально оборудованные для того, чтобы снимать подобные сцены в замедленном темпе. Газель получает укол снотворного. Льва отлавливают накануне и не дают ему есть, чтобы он был голоден и погнался за добычей. Затем их помещают на замкнутый треугольный участок, в котором газель может бежать только в одну сторону. Льва выпускают так, чтобы он набросился на жертву в подходящем месте при хорошем освещении. Те, кто снимают документальный фильм, хорошо платят за то, чтобы сцена была идеально подготовлена. Чтобы было легко снимать даже в замедленном темпе и не против света.

– К чему ты клонишь?

– Вопрос вот в чем: зачем это снимают? Почему людям так нравится смотреть, как львы медленно пожирают газелей?

Рауль, кажется, заинтересовался.

– Потому что это жизнь природы.

– Потому что подобное зрелище прекрасно иллюстрирует теорию о том, что сильнейший всегда одерживает победу над слабым. Лев ест газель. Мы соревнуемся. Жестокий убивает доброго. Так называемые фильмы о животных растолковывают нам дарвиновскую мысль.

Я смотрю прямо в глаза моему другу.

– На самом деле соревнование – это не путь эволюции. Я в этом убежден. Можно было бы показывать не льва и газель, а много других вещей. Муравьев, которые объединяются с тлями, чтобы получать молоко. Пингвинов, прижимающихся друг к другу, чтобы вместе защищаться от холода и делиться теплом.

Внезапно наступила полная ясность мыслей, алкоголь выветривается, но я хочу еще выпить.

– Опять утопии, Мишель. У тебя слишком упрощенное представление о мире. К счастью, ты больше не принимаешь участия в выборах на Земле. Просто страшно представить себе твои политические пристрастия.

Я начинаю раздражаться.

– Я голосовал «против всех». Чтобы показать, что я за саму идею голосования, но против баллотирующихся партий. И я голосовал против тех кандидатов, которые вызывали у меня особую неприязнь.

– Ну да, я так и думал. Ты политически незрел. Не можешь даже решить, за левых ты или за правых.

– Политика – это просто пыль в глаза. У политиков нет видения общей картины, нет планов. Все, что они могут, – лишь жонглировать словами, используя ораторские приемы. И они приходят к власти и тут же принимаются рулить огромным административным кораблем, которому в принципе нет никакого дела до левых и правых. А я тебе говорю о видении истории в перспективе.

Я беру амфору и снова наливаю себе.

– Я говорю о надежде на лучший мир. На самом деле в природе сотрудничество намного важнее соперничества. Посмотри, в наших собственных телах есть пример союза множества различных типов клеток. Объединившись, они создают более сильный организм. Цветам нужны

пчелы, которые переносят пыльцу, поэтому они окрашены в такие яркие цвета. Семенам некоторых деревьев необходимо упасть в землю подальше, чтобы тень старого дерева не падала на новый росток, и природа делает все, чтобы привлечь внимание белок.

– Которые съедят семена.

– А семена попадут на новое место вместе с экскрементами белок в качестве удобрения.

Сотрудничество есть повсюду. Все так или иначе приводит к союзу. Ведь существует любовь. Дарвин ошибается – побеждает союз, а не соперничество.

Рауль как-то странно смотрит на меня. Словно, пропустив пару стаканов вина, я стал вызывать у него еще большее беспокойство.

– Мишель, ты, конечно, можешь мечтать и дальше, провозглашая свои теории. Только вспомни о том, что сейчас происходит на Земле. Ведь войны-то не идут по заранее расписанным сценариям.

– Ты так думаешь? – говорю я, делая глоток вина.

Я излагаю свои соображения:

– Думая о войне, всегда думаешь о страхе. СТРАХ. Страх делает людей послушными, и дальше с ними можно делать что хочешь. Это одна из главных мотиваций наших поступков.

Снова наливая себе вина, я улыбаюсь, а потом раздражаюсь фальшивым смехом.

– Они держат нас страхом. СТРАХОМ!!!!

Я выкрикнул это слишком громко. Друг делает мне знаки, чтобы я говорил тише. На нас уже смотрят.

– Теперь оставь меня, Рауль.

Мой друг медлит, потом поворачивается спиной и продолжает ужинать, словно меня тут нет.

Я снова один и знаю, что за мной наблюдают. Я прошу еще одну амфору у проходящего мимо Времени года и пью. Как это неприятно – ты начинаешь что-то понимать, в то время как остальные ни о чем еще не догадываются. Как неприятно сознавать что-либо.

Мне хочется все забыть.

Забыть людей-дельфинов.

Забыть Афродиту.

Забыть Мэрилин и Эдмонда, Рауля и Фредди.

Забыться.

Я встаю и высоко поднимаю бокал. Снова все взгляды обращены ко мне, как на лекции, когда я пытался добиться единства всего курса. Я говорю, обращаясь сразу ко всем:

– Я ХОЧУ ПРОИЗНЕСТИ ТОСТ. Я ПОДНИМАЮ ЭТОТ БОКАЛ ЗА ТРИ... ЗА ТРИ ЗАКОНА ОЛИМПА: ЛОЖЬ, ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ЛИЦЕМЕРИЕ.

Я пошатываюсь. Земля уходит у меня из-под ног. Я уже готов рухнуть, когда чья-то рука хватается меня за локоть.

– Пошли, – говорит Жорж Мельес, – я отведу тебя домой.

Я отталкиваю его и снова поднимаю бокал.

– Здесь смертельно скучно. Эй, хариты, сыграйте нам рок-н-ролл, я хочу танцевать. Или техно. Только не говорите, что на Эдеме не слыхали про техно или хип-хоп. Времена года, что вы копаетесь?! Моя амфора пуста. За кого нас тут принимают? Боги мы или нет? Несите полную!

Ора спешит подать мне большую амфору красного вина, отдающего вкусом дубовой бочки.

– Вот в чем все дело. Слишком медленный сервис и маленький выбор вин. Сожалею, но ваш Эдем не тянет и на три звезды. Видал я курорты и получше. Со шведским столом, сырами и десертом. На завтрак я предпочитаю кукурузные хлопья, бекон и яичницу.

Раздается несколько одобрительных выкриков.

– Да, друзья мои. Я вижу, все со мной согласны. Кстати, здесь не хватает бассейна. Посреди Олимпии. Тут слишком жарко. Кроме того, было бы неплохо, если бы нам подавали прохладительные напитки и мороженое, пока мы управляем нашими народами. Как в кино. Да, мы боги, но в то же время и люди!

– Мишель, хватит! Пойдем, – говорит Рауль и берет меня за другую руку.

Я невозмутимо продолжаю.

– Посмотри, мы все в белой униформе, а белое тут же пачкается. Не успел я надеть тогу, как она уже грязная. К тому же все эти тоги и туники скверно сшиты и висят мешком. Пожалуйста, выдайте мне джинсы!

– Мишель, успокойся.

– Успокойся? Я уже достаточно долго был спокойным. Мы тут не в доме престарелых. Должен сказать, тут очень мало развлечений. Сигарет нет, никто не курит. Не занимается сексом. Единственное занятие – убивать друг друга. Тем, кто в детстве играл в войну, наверно, весело. Только я предпочитал кукол.

Я пытаюсь схватить Время года за руку, но она вырывается. Все безмолвствуют. Ну что ж, выскажусь до конца.

– А еще тут совершенно нечего читать. Нечего. Возьмешь книгу в библиотеке, а там чистые страницы. Только чистые страницы! Включаешь телевизор – никаких фильмов или программ. Показывают только бывших клиентов, которые достали нас, еще когда мы были ангелами. Чудесное зрелище – они играют на тамтаме или рыдают в пустой постели! Покажите лучше американский сериал! «Магазин на диване» и то лучше...

Вино помогает обрести смелость, которой мне так не хватает. Я пью еще. Снова и снова. В какой-то момент вино уже вызывает отвращение, но если не останавливаться, то вскоре откроется второе дыхание, и это вдохновляет.

– Мадемуазель! МОЯ АМФОРА ПУСТА! БЫСТРЕЕ, ВЫПИТЬ! ВЫПИТЬ!

Ора поспешно приносит мне новый сосуд. (Однако! Чем более хамски я себя веду, тем с большим уважением ко мне относятся.)

– Прекрати! – шепчет мне Рауль, оттаскивая от амфоры.

– А ЧТО? Я ВО ЧТО-ТО ВМЕШИВАЮСЬ? Пожалуй, только в наши гены. Вот он, естественный отбор твоего расчудесного Дарвина. Наши воздержанные предки, которые пили только воду, вымерли, что вполне логично: в воде полно бактерий. Остались только те, кто употреблял алкоголь – пиво, вино, водку, брагу! Вот эти выжили. Остальные... Фр-р-р!

Рауль ждет, когда я успокоюсь.

– Если ты не остановишься, то скоро не сможешь и шагу ступить.

– Ну и что? ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ и катись к себе на гору, к своим СТЕРВЯТНИКАМ.

Я снова хватаю амфору.

– Что тебя беспокоит? – мягко спрашивает Рауль. Я хохочу в ответ.

– Что меня беспокоит? Я просто ИЗ-МО-ТАН! Я не вижу больше впереди «ВЕЛИКОГО СЧАСТЛИВОГО БУДУЩЕГО»! Что меня беспокоит?

Я в упор смотрю на своего друга.

– Послушай, Рауль! Ты что, не понимаешь, НЕ ВИДИШЬ? Все пропало, мы все передохнем. Тут вообще не будет победителя, только ПРОИГРАВШИЕ.

Рауль подходит ко мне и хватается за руку.

– НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ!

У меня за спиной раздается голос Диониса.

– Отведите его домой, пусть протрезвеет.

Два кентавра хватают меня за руки и за ноги и быстро уносят. Мы мчимся по городу, я чувствую, как свежий воздух обдувает мне лицо.

Кентавры швыряют меня в кресло. Я неподвижен, тело, как тряпка, голова мотается из стороны в сторону.

Я долго сижу в полной прострации. Словно сплю с открытыми глазами, но кровь моя кипит. Мне хочется плакать и смеяться.

Я пытаюсь встать, но тут же падаю обратно. На смену приятным ощущениям пришла мигрень, которую, как мне кажется, удастся вылечить только алкоголем. Я должен выпить! Нужно унять головную боль. Только алкоголь спасет меня от боли, вызванной алкоголем.

– ХОЧУ ПИТЬ. ХОЧУ ВИНА!

Но я один в комнате и даже не могу стоять. Ноги стали как ватные и не в состоянии удержать меня в вертикальном положении. И тут открывается дверь. Я вижу три луны и обнаженные женские ноги, едва прикрытые тогой. На пороге стоит фигура, лицо ее скрыто капюшоном.

– Афродита?

Женщина входит и закрывает за собой дверь. Она опускается рядом со мной на колени и кладет прохладную руку мне на лоб. У нее нежные пальцы. Она восхитительно пахнет.

– Мне кажется, тебе нужна помощь, – говорит Мата Хари.

Я отшатываюсь, разочарованный.

– Уходи, мне никто не нужен.

Мата Хари убирает липкую прядь с моего лба и грустно смотрит на меня.

– Мишель, не надо все портить!

– Я подаю в отставку. Прудон прав: «Ни бога, ни господина». Во всяком случае, один бог сегодня играть перестает.

Я усмехаюсь.

– Уходи, Мата. Я неподходящее знакомство. Весь мой народ – неподходящее знакомство. Я проклятый бог.

Она медлит, потом поворачивается, чтобы уйти. Остановившись на пороге, она бросает:

– Знай, я не брошу тебя, даже если мне придется помогать тебе наперекор твоей воле, Мишель. Ставки слишком высоки. Ты не должен опускать руки.

Я ползу на четвереньках. У меня хватает сил подняться и закрыть дверь на задвижку. Хватаясь за мебель, я дохожу до ванной и умываюсь ледяной водой.

Тошнота поднимается из недр моего организма, и я извергаю розовую жидкость, смешанную с желчью. Она обжигает пищевод и горло. Новый спазм сжимает опустевший желудок, я держусь за раковину, чтобы не упасть.

Я смотрю на себя в зеркало и думаю, не хочется ли и Верховному Богу, который, вероятно, находится где-то там, над нами, иногда напиться, чтобы все забыть. А что, если Верховный Бог алкоголик?

Я плетусь в гостиную. Чувствую отвращение к самому себе, а заодно и ко всему роду человеческому, независимо от того, с какой они Земли, 1-й, 17-й, 18-й или 100 000-й. Наши смертные иногда могут вывести из себя кого угодно. Победа людей-крыс над женщинами-осами окончательно убедила меня в их жестокости и глупости.

Спазмы еще скручивают меня, и я падаю на диван. Я жду, когда смогу заснуть. Но сон все не приходит, словно от трения полушарий в моем мозгу вспыхнуло пламя. Кипящая лава стучит в висках.

Сон не придет.

Нужно думать о чем-то другом. О чем угодно.

Юн Би.

Я нащупываю анкх, чтобы включить телевизор.

22. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПРОРОЧЕСТВО ДАНИИЛА

В 587 г. до Р. Х. вавилоняне во главе с царем Навуходоносором завоевали древних евреев. Первый Храм был разрушен, а иудейский царь Иоаким и десять тысяч представителей знатных семей были угнаны в Вавилон в рабство.

Ночью Навуходоносору приснился странный сон, который он никак не мог вспомнить, и никто из его толкователей не мог ему помочь. Услыхав о молодом еврее из царского рода, хорошо толкующем сновидения, Навуходоносор послал за ним.

Юношу звали Даниил, и он рассказал царю, что тот видел во сне истукана с золотой головой, руками и грудью из серебра, животом и бедрами из бронзы, ногами из железа и ступнями из глины. Глиняные ступни трескались и крошились, и истукан вот-вот должен был упасть.

Навуходоносор вспомнил свой сон, пришел в восторг и потребовал истолковать его. Даниил объяснил, что золотая голова означала владычество вавилонской империи. Серебряная грудь означала приход следующего царства (можно предположить, что это было пророчество об объединенном царстве Мидии и Персии, 539–331 гг. до Р. Х.) Живот и бедра из бронзы означали второе царство (судя по всему, царство греков, захвативших весь средиземноморский бассейн, 331–168 гг. до Р. Х.). Железные ноги означали третье царство (римляне управляли этой областью с 168 г. до Р. Х. по 476 г. после Р. Х.) Глиняные ноги – это царство, построенное простым человеком, мессией. (Этот сон позже был проанализирован христианами, которые пришли к выводу, что это пророчество о Христе. Две ноги символизируют раскол между христианским Римом и христианским Востоком, а десять пальцев на ногах в средние века считали прообразом десяти христианских царств.)

Даниил объяснил, что глина хрупкая, но из-за нее рухнут все царства из металла.

Пророчество Даниила, который предсказывал наступление глиняного царства после того, как страну евреев захватит железная империя (римляне), вызвало появление сотен самозванных мессий. Большинство из них казнили римляне, которые тоже знали о пророчестве Даниила и не хотели, чтобы их железная империя рухнула.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

23. СМЕРТНЫЕ. 16 ЛЕТ

Голова дает мне небольшую передышку. Я смотрю на экран и стараюсь сосредоточиться на этом занятии.

Первый канал. Токио. Юн Би смотрит по телевизору передачу о дельфинах. На одном из японских островов, к которому ежегодно сплываются стаи дельфинов для продолжения рода, беспорядки. Рыбаки перекрывают проток между островами и убивают дельфинов железными брусками. Рыбак объясняет журналисту, что они не едят дельфинов, а убивают их потому, что они мешают ловить тунца. На экране видно море, покрасневшее от крови, и сотни дельфинов, плавающих брюхом кверху.

Юн Би потрясена, она решает нарисовать свободных дельфинов, восставших против людей и отомстивших им.

Она как раз рисует дельфинов в лицее, когда к ней подходит девочка и спрашивает, почему она выбрала такой сюжет.

– Я не могу отомстить за себя в реальной жизни, поэтому изображаю месть на бумаге, – объясняет Юн Би.

– Все корейки чокнутые! – восклицает девочка.

– А все японки дуры!

Они дерутся, пока не вмешивается преподавательница, которая наказывает Юн Би за нарушение порядка в учебном заведении. Она рассматривает рисунки, ставшие причиной ссоры, объявляет их непристойными и рвет в клочья.

– Юн Би, как иностранка, должна держаться более скромно, – добавляет она.

– Я не иностранка, – протестует Юн Би. – Я родилась в Японии.

В классе раздается смех. Все знают, что в Японии имеет значение не то, где ты родился, а то, чья кровь течет в тебе. Юн Би тоже это знает.

Вечером в своей комнате Юн Би рисует дельфинов, уничтожающих школы. Но листочков с рисунками не достаточно. Нужно написать книгу о дельфинах, целую сагу о том, что дельфины на самом деле инопланетяне, которые приняли облик дельфинов, чтобы высадиться на Землю, и с начала времен безуспешно пытаются наладить контакт с человеком. Всю ночь девочка лихорадочно пишет, не замечая времени, не обращая внимания на ссоры родителей. Когда она пишет, она чувствует абсолютное одиночество, словно она отрезана от всего мира. Это пугает и в то же время влечет ее. Она пишет, она больше не живет.

Второй канал. На Крите Теотим записался в боксерский клуб. Другие ученики отказываются участвовать в соревнованиях, но только не он. Он встречается в товарищеском матче с противником, который ниже его ростом, но старше, и болеть за него пришла вся семья. Тренер спрашивает Теотима, нужен ли ему на зубник, но тот никогда им не пользовался и поэтому отказывается.

– Ты его тут же сделаешь, у него короткие руки, он тебя не сможет достать, – говорит тренер.

На ринге судья напоминает, что это товарищеский матч и удары ниже пояса запрещены. Другой тренер шепотом дает советы противнику Теотима. Спортсмены стоят друг напротив друга. Как только раздается удар гонга, противник Теотима делает нечто неожиданное. Он бросается на него, выставив вперед кулаки. Удар в подбородок, во рту Теотима крошатся зубы, он чувствует вкус крови. Ужасно больно. Он ничего не понимает. Ведь судья ясно сказал – это дружеская встреча. Он как раз останавливает матч и сурово отчитывает противника. Но дело уже сделано.

Конец первого раунда, у Теотима страшно болят зубы. Его тренер возмущен.

– Он попытался сразу же отправить тебя в нокаут. Ты должен отомстить. У тебя для этого достаточно длинная рука.

Снова удар гонга. Возвращение на ринг. В этом раунде противнику не удастся добраться до Теотима, он выдохся и бьет по воздуху. Он повисает на канатах, не в силах даже прикрыть грудь, а болельщики Теотима кричат: «Убей его! Убей его!»

Родственники противника кричат что-то вроде «Папаша, давай!»

Теотим размахивается и останавливается. Во взгляде противника он читает покорность и ожидание справедливого возмездия. Он даже не пытается защищаться. Но Теотим не бьет его. Удар гонга означает конец боя. Судьи объявляют победителем противника Теотима, и тот, удивленный, поднимает руки под радостные крики его близких.

– Ты мог достать это парня! Почему ты не отомстил? – спрашивает судья.

Теотим ничего не отвечает.

Вечером мать, чтобы отвлечь его от переживаний, дарит ему пару хомяков, за которыми он с интересом наблюдает. Хомяки, обнюхав друг друга, тут же принимаются спариваться.

Третий канал. Куасси-Куасси получает первый урок любви от молодой женщины, которую выбрал ему отец. Ритуал очень древний. Женщина надевает длинную и широкую юбку и долго сидит над тлеющими углями смолистых деревьев, смешанными с душистыми травами, чтобы ее тело пропиталось ароматным дымом. Дым раздувает юбку, кожа впитывает запахи. Затем она являет подростку свою ослепительную, благоухающую наготу. Подросток становится серьезным, словно понимая, что перед ним разыгрывается целый спектакль. Это конец его детства. Женщина чувствует робость Куасси-Куасси и приглашает его танцевать. Он продолжает сидеть, она смеется. Бросает его на постель и жестами показывает, что должно привести их к вершине наслаждения. Тела сливаются, отец Куасси-Куасси играет на тамтаме.

Церемония завершена, Куасси-Куасси возвращается к отцу. Он кажется удивленным. Зная, что он не может сейчас говорить, отец протягивает ему джембе, музыкальный инструмент. Джембе вторят барабаны отца, и вся деревня слышит, как их сердца стучат, и знает о том, что они чувствуют.

Я думаю о том, что поступил правильно, вложив в них страсть к искусству. Музы преподали мне хороший урок. У Юн Би способности к рисованию. Их вытесняет литературный талант, но это не удивительно, ведь она новое воплощение писателя Жака Немро. Он прославился сагами о животных, в частности о крысах, так почему бы его душе, переселившейся в тело корейской девочки, не увлечься теперь дельфинами?

У Теотима большие способности к боксу. Это тоже вполне закономерно, потому что в прошлой жизни он был исключительно жестоким русским солдатом.

Куасси-Куасси унаследовал любовь Венеры Шеридан к ритму, музыке и неге.

«Лучше укреплять свои сильные стороны, чем пытаться исправить слабые», – утверждал Эдмонд Уэллс. Надеюсь, мои бывшие подопечные пойдут по этой дороге.

Мне кажется, я слышу шаги, которые вторят тамтаму Куасси-Куасси.

Я выключаю телевизор и, пошатываясь, выхожу на улицу.

Я вдыхаю свежий воздух, чтобы унять гул в голове, и вдруг замечаю следы на земле под самым окном. Совсем свежие. Я внимательно рассматриваю их: это следы от мужских сандалий.

Никаких сомнений, за мной кто-то наблюдал.

24. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ОТВЕТ ГЕИ

Долго без ответа оставался вопрос, откуда появляются огромные, как тучи, стаи саранчи. Миграции этих стай не относятся к обычным природным явлениям. Это следствие слишком бурной сельскохозяйственной деятельности человека. Возделывание одной и той же культуры на огромных площадях приводит к тому, что насекомые, паразитирующие на этой культуре, скапливаются в одном месте в огромных количествах и, естественно, принимаются быстро и неудержимо размножаться. До вмешательства человека саранча была безвредным насекомым, которое не собиралось роями. Но на попытки человека изменить природу она ответила по-своему.

Если человек взрывает атомные бомбы, калечащие земную кору, Гея отвечает землетрясениями. Если человек перерабатывает черное золото земли – нефть в токсичные испарения, которые скапливаются в удушливые облака, Земля отвечает повышением температуры. Это вызывает таяние ледников, наводнения.

Человек еще не понял, что его родная планета отвечает на каждый его вызов, и удивляется, когда происходит то, что он называет «природными катастрофами», которые на самом деле «катастрофы искусственные», происходящие потому, что он не умеет вести диалог со своей планетой.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

25. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ И МИГРЕНЬ

Поет петух, и у меня чуть не лопаются барабанные перепонки. Уже светло. Значит, я все-таки заснул на диване. Я сжимаю голову руками, но уже слышен утренний звон колоколов. Ох, голова моя, голова! К вискам невозможно прикоснуться, веки тяжелые, словно бетонные крышки люков. Во рту пересохло, я чувствую вкус пыли. Я не помню ничего, кроме того, что накануне вечером выпил больше, чем следовало.

Раздается стук в дверь. Рауль входит, толкает меня и говорит, чтобы я скорее одевался. Я смотрю на друга, все плывет у меня перед глазами, и мне кажется, что он шатается.

– Вчера все нормально закончилось? – спрашиваю я, морщась от боли. Энергично растираю себе виски. Рауль отвечает не сразу. Я чувствую, что случилось что-то ужасное.

– Мы потеряли Фредди, – нервно говорит он.

Я потрясен.

– Богоубийца?

– Хуже.

– Дьявол?

– Еще хуже.

– Я не понимаю.

– Любовь.

Рауль Разорбак объясняет, что по просьбе раввина они вернулись на территорию муз и нашли Мэрилин, которая, как и предполагал раввин, превратилась не просто в химеру, а в десятую музу – музу кино.

Рауль рассказывает, что у нее теперь тоже красный дворец, внутри оборудован кинозал. Есть все необходимое для съемок и небольшая коллекция кинофильмов. Итак, теория о гибели богов-учеников подтверждается. После смерти они превращаются в немых обитателей Эдема – кентавров, херувимов или муз. Их души в конце ждет превращение. Они становятся фантастическими существами, которые видят, понимают, действуют, но больше не могут говорить.

– Значит, она стала одной из тех редких химер, которые не утратили прежнего облика, – заметил я. – А что же Фредди?

Рауль признает, что это была его идея. Не в силах видеть, как друг чахнет после потери возлюбленной, он предложил ему попытаться воссоединиться с ней.

– Сейчас Фредди Мейер, должно быть, уже превратился в химеру. И если превращение зависит от места, где оно происходит, то он стал музой.

– Одиннадцатой музой, – добавляю я.

– Не знаю, какое еще искусство осталось после кино, – говорит Рауль.

Кто бы мог предположить такой союз – слепой эльзасский раввин и звезда Голливуда! Эта невероятная пара продолжала любить друг друга и в империи ангелов, и в царстве богов.

Теперь они навсегда вместе в красном мире желания, и даже если их голоса навеки умолкли, души по-прежнему неразлучны и общение не прервется.

– Прежде чем мы оставили Фредди в красной стране, он попросил меня передать тебе кое-что. Он поручает тебе своих людей-китов, государство, столицу и всех жителей. Ведь они уже говорят и пишут на одном языке с твоими людьми-дельфинами.

Целый народ в наследство? Мне хватило секунды, чтобы представить себе все последствия такого «подарка».

Рауль Разорбак меряет шагами гостиную, пока я надеваю тунику и тогу.

– Мне кажется не совсем справедливым, что ты получаешь целый народ, которым раньше не управлял. Кроме того, я не уверен, что твое покровительство – такой уж подарок для людей-китов, учитывая, что до сих пор ты проявлял робость и малодушие. На примере людей-муравьев прекрасно видно, что из этого вышло.

– Я, может быть, и робкий, как ты утверждаешь, но в списке учеников я стою впереди тебя.

Я беру «Энциклопедию относительного и абсолютного знания» и прячу в складках тоги, как оружие. Надеваю на шею анкх. Похоже, батарея зарядилась как следует.

– Не только ты получил подарок от Фредди. Мне тоже досталось кое-что из его наследства.

Рауль показывает мне книгу, похожую на те, которые есть у каждого из нас.

– Фредди составлял сборник шуток. Он попросил меня продолжить его труд, как Эдмонд Уэллс просил тебя.

Я листаю книгу и читаю первую попавшуюся историю:

– «Как рассмешить Бога? Расскажите Ему о своих планах». Неплохо.

А где ты будешь брать шутки? У Фредди была необыкновенная память на все смешное. Рауль задумывается.

– Не знаю. Мне кажется, все, что здесь происходит, и так одна сплошная комедия.

Колокол напоминает нам о распорядке дня. Мы идем завтракать в Мегарон.

Все теонавты собрались на одном конце стола. Я сажусь рядом с Раулем. Он наливает мне молока.

– Скажи, я был ужасен вчера?

– Я бы сказал, что ты был настоящим. Когда мы раньше напивались, ты всегда оставался трезвым. Мне казалось, ты боишься власти вина над собой. Вчера вечером ты показал свою темную сторону, и думаю, что теперь я лучше знаю тебя. Я всегда буду твоим другом, Мишель, и как друг могу сделать тебе один подарок: обещаю никогда не судить тебя, как бы ни сложились обстоятельства.

Он смотрит на меня своими черными глазами, и я вспоминаю, как еще мальчишками мы бродили по дорожкам кладбища Пер-Лашез.

– Жаль только, что ты так напился, что пропустил встречу Фредди и Мэрилин. Это было что-то невероятное, совершенно невероятное.

Осень заплетает свои рыжие волосы и приносит нам хлеб с изюмом и масло. Варенья, видимо, еще придется подождать.

– Вы ушли дальше, за страну муз? – спрашиваю я. Рауль рассказывает, что, оставив Фредди Мейера у Мэрилин, они продолжили поход.

– Мы видели не так уж много, но узнали, что за зоной красного – вулканы, окруженные озерами лавы.

– Оранжевая зона.

– Земля там слишком горяча. В следующий раз нужно будет взять тряпок, чтобы обмотать сандалии, прежде чем идти вперед.

Жорж Мельес, Густав Эйфель, Мата Хари садятся рядом с нами.

– Итак, этим утром нас $80 - 1 = 79$, – подводит итог Жорж Мельес. В его голосе слышится грусть.

Я интересуюсь:

– Чья сегодня лекция?

26. МИФОЛОГИЯ: ГЕРАКЛ

По-гречески Геракл (Геркулес по-латыни) означает «слава Геры». Он был зачат Алкменой от Зевса, который явился к ней в образе ее супруга.

Уставшая от неверности своего мужа Гера послала двух змей, чтобы они задушили ребенка, но новорожденный младенец был уже достаточно силен и убил их.

Гера ненавидела Геракла и, когда он вырос, наслала на него безумие. В помрачении рассудка Геракл убил восемь собственных детей. Когда к нему вернулся разум, он пожелал очиститься от совершенных преступлений и обратился к Дельфийскому оракулу. Пифия объявила Гераклу, что он должен двенадцать лет служить своему двоюродному брату тирану Еврисфею, выполняя все его приказания.

1. Геракл победил немейского льва, шкура которого была толще любого щита. Он не смог убить чудовище ни палицей, ни стрелами, ни мечом и задушил его голыми руками.

2. Убил лернейскую гидру – чудовище с телом собаки и девятью змеиными головами.

3. Укротил керинейскую лань с медными копытами и золотыми рогами, ускользнувшую от богини Артемиды, когда та была еще ребенком.

4. Победил эриманфского вепря.

5. Вычистил авгиевы конюшни.

6. Истребил стимфалийских птиц.

7. Поймал критского быка.

8. Убил лошадей фракийского царя Диомеда, который бросал им на съедение чужеземцев.

9. Добыл пояс царицы амазонок Ипполиты.

10. Украл стадо у Гериона, считавшегося самым сильным человеком на земле.

11. Принес золотые яблоки из сада Гесперид. Эти плоды росли на яблоне, которая принадлежала Гере. Это был свадебный подарок Геи.

12. Поймал чудовищного пса Цербера. Этот двенадцатый подвиг был самым трудным. Геракл должен был привести Цербера из подземного царства Аида. Чтобы Геракл смог проникнуть в подземное царство мертвых, Мусей, сын Орфея, приобщил его к Элевсинским мистериям.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

27. ГЕРАКЛ. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ГЕРОЕВ

Дворец Геракла в квартале Младших богов намного больше и внушительнее, чем у Сизифа. Фронтон над воротами поддерживают гигантские статуи.

При входе расстелен огромный красный ковер, в холле развешаны трофеи – головы львов, драконов, медведей, острозубых лошадей и хищных птиц.

И вот появляется наш сегодняшний преподаватель.

Геракл скорее широкоплеч, чем высок. Он одет в львиную шкуру, скроенную так, что она похожа на модную тунику. Вместо шлема – львиная голова, украшенная орнаментом. При нем палица из оливкового дерева. Но Геракл далеко не так мускулист, как я представлял себе. Сочинители мифов всегда преувеличивают.

Я вспоминаю текст Франсиса Разорбака, который Эдмонд Уэллс приводит в своей «Энциклопедии», и прихожу к выводу, что вообще-то наш сегодняшний преподаватель не так уж симпатичен, как принято считать. Чтобы выполнить свои двенадцать подвигов, он без конца убивал, хитрил и обманывал. Он убил своих детей, уничтожил амазонок, украл сокровища.

Я сажусь за парту и замечаю еще одну шутку, вырезанную на деревянной столешнице: «У Бога всех богов нет своей религии». Я все время забываю, что наш курс богов-учеников один из многих, и, конечно, немало их еще будет протирать свои тоги на той же скамье, где сейчас сижу я.

Геракл смотрит на нас, оценивая новый класс. Он молча ударяет палицей по столу, и входит Атлант. Сегодня он неразговорчив. Мы уже привыкли к его постоянному ворчанию, но сегодня он молчит. Атлант опускает на подставку сферу, внутри которой наша планета, рядом – сосуды с «Раем» и «Империей ангелов», поворачивается и бредет к выходу.

Геракл окликает его:

– Эй, Атлант, пора бы уже забыть печальную историю про сад Гесперид. Будем друзьями!

Атлант останавливается и говорит, едва повернув голову:

– Наш договор был взаимным: я помогаю тебе собрать яблоки, ты помогаешь мне держать мир.

– Не совсем так.

Титан разворачивается лицом к Гераклу и говорит своим обычным тоном:

– Если ты отказываешься держать мир вместо меня, так найди кого-нибудь, кто меня заменит.

– Ты прекрасно знаешь, что это невозможно. Носить мир на плечах – твоя судьба. Никто не может заниматься этим вместо тебя.

Титан раздраженно передергивает плечами. Потом останавливается, распрямляет спину и, пристально глядя на нас, предупреждает:

– Учтите, я поймаю хитреца, который сегодня ночью проник в мой дом. Поймаю, как и в прошлый раз.

Значит, кто-то еще из учеников забирался в подвал, где стоят модели миров. Он думает, что это снова был я.

Титан уходит, ворча себе под нос.

Геракл берет анкх, рассматривает нашу планету и обращается к нам:

– Здравствуйте, я Геракл, ваш новый Младший преподаватель. Сегодня я расскажу вам о том, как важны герои. Но прежде чем я начну, кто скажет, что такое герой?

Замешательство в наших рядах.

– Человек, обладающий необыкновенными способностями, – предполагает Вольтер.

Геракл насмешливо смотрит на него.

– Это все выдумки биографов, которые появляются уже после того, как «герой» преодолет все препятствия и совершит подвиги. Или же достаточно заплатит профессиональным льстецам. Не путайте людей с легендами о них. Думайте!

– Тогда герой – это необыкновенно умный человек? – спрашивает Жан-Жак Руссо.

– Есть необыкновенно умные люди, которые сидят дома в кресле и разгадывают необыкновенно трудные кроссворды. Так вот, они не герои.

Геракл расхаживает между рядами, внимательно глядя на нас.

Наконец, смирившись с тем, что не добьется от нас ответа, он начинает:

– Герои – это люди, которые... Он делает паузу.

– ...считают себя героями. И наслаждается эффектом.

– Я поясню. Герой полагает, что скроен из особого материала, что его ждет особая судьба, не похожая на судьбы других людей. Короче говоря, герой – тот, кто заранее верит в легенды о себе.

Расхаживая взад и вперед, Геракл развивает тему:

– Обратимся к истории вашей планеты, «Земли-18». Там наверняка уже появились герои – полководцы, отважные исследователи, иными словами, первопроходцы, обладающие большей прозорливостью, чем другие. Объединяет их то, что все они способствуют превосходству своего народа над остальным миром. Правитель людей-крыс захватил земли амазонок, а затем, вопреки воле народа, взял в жены их царицу. Для своего народа он – герой: храбрый военачальник и дальновидный реформатор. Люди-крысы из поколения в поколение будут передавать легенду о нем. Но можно сделать лучше.

Из большой дубовой шкатулки, окованной железом, Младший преподаватель достает нечто, что мы принимаем за оловянных солдатиков.

– Хочу представить вам некоторых героев из миров, созданных предыдущими выпусками. Запомните хорошенько имена, громко прозвучавшие в истории человечества предыдущих планет. Бельзек, царь, любимый своим народом, объединитель «Земли-7»; умер от любви к одной царице. Гурон, исследователь, поднявшийся к истокам самой большой реки на «Земле-14»; болезнь оборвала его экспедицию к островам, населенным дикарями. Золган, невероятная личность; он предсказывал будущее своей планеты и ни разу не ошибся. Астронавт Лилеис, организовавший космическую экспедицию по спасению человечества – бегство в космос на солнечных парусниках было последним шансом выжить. И, наконец, тот, кого я считаю самым необыкновенным. Музыкант Аннимачедек, который сделал пение высшей ценностью. Весь мир пел и доверял пению. Некоторые умели лечить пением, другие пением убивали. Они вели войны, в которых оружием были голосовые связки. Они занимались любовью, сливаясь в песне.

Геракл, увлекшись воспоминаниями об этом странном герое, начинает напевать, но тут же спохватывается.

– Аннимачедек умер от инфекции. Как он кашлял, бедняга! Как же он кашлял! Конец его мучениям положили, исполнив низкую ноту, которая остановила его сердце. Что ж... Смерть – участь, которая ожидает всех смертных, а героев в первую очередь. Он погружается в задумчивость:

– Быть может, именно в этом Боги больше всего завидуют людям. Возможность умереть, дожидаться конца фильма. Ведь если ты бессмертен, кино длится вечно. Именно поэтому среди богов нет героев. Героизм рождается заключительной сценой.

Я задумываюсь. Если Верховный Бог существует, то он бессмертен и всемогущ, но восхищается тем, что конечно. Он живет в страхе совершить ошибку. Да, мы достойны награды за успехи, потому что можем и ошибаться, в то время как он... Он всегда выигрывает, поэтому и

играть незачем. В такой игре нет ничего захватывающего. Геракл с довольным видом вертит в руках оловянные фигурки.

– Итак, Аннимачедек, Лилеис, Золган. Конечно, эти имена ничего не говорят вам, но мы, преподаватели, не забыли этих выдающихся смертных. Их создали боги-ученики с хорошим воображением.

Младший преподаватель выдвигает ящик письменного стола и расставляет на столешнице еще несколько фигурок, на каждой из которых выгравировано имя. В руках у них оружие, неизвестные инструменты, некоторые одеты в военную форму.

– Лучшие представители человечества, подлинные произведения искусства, сокровища, которые достойны храниться в музеях всего мира. Сейчас все это свалено тут у меня, но я настоял, чтобы для следующих курсов был создан музей героев человечества со всех планет. Проект сейчас в стадии обсуждения.

«Как создать героя?» – пишет Геракл на доске.

– Да-да, универсальный рецепт... Конечно, всем бы хотелось его получить. Точной формулы нет, но кое-что знать все-таки надо. Чтобы получился качественный герой, выбирайте, во-первых, человека, у которого есть стимул превозмогать себя и который, следовательно, обладает сопротивлением на удар. Геракл выводит на доске: «Сопротивление на удар».

– Что это такое? Минус, который будет погашен плюсом.

Аудитория с интересом слушает. Многие из 79 присутствующих добились успеха, залечивая раны, полученные в юности.

– «Из тебя никогда ничего не выйдет», – достаточно сказать это мальчишке, и он, из духа противоречия, приложит все силы, чтобы доказать, что он лучше всех. В каждом герое нередко прячется ребенок, который часто злился и плакал в своем углу.

Геракл показывает рисунок, который я, кажется, видел в прошлой жизни. Две рыбки плещутся в воде. Маленькая спрашивает большую: «Мама, говорят, некоторые рыбы вылезли на сушу и теперь ходят по земле. Кто они?» – «О, большей частью те, кто всем недоволен».

В зале слышится смех.

– Тревога, недовольство, душевные раны – вот из чего вылеплен герой. Зачем стремиться изменить мир, если тебя в нем все устраивает?

Геракл берет фигурку, которая, видимо, особенно нравится ему.

– Счастливые люди ничего не выиграют от перемены своей судьбы. Только чувство несправедливой обиды или недооценка заставляет прыгать выше собственной головы, чтобы изменить обстоятельства. Итак, герой страдает от полученной раны. Ваше дело сыграть на этом.

Эдит Пиаф поднимает руку.

– Но если рана смертельна? – спрашивает она.

– Известны случаи, когда дети, которых били, сами были жестоки со своими детьми, – добавляет Симона Синьоре.

Геракл невозмутимо отвечает:

– Вот поэтому нужно точно отмерить дозу яда для прививки. Если превысить дозу, можно добиться обратного эффекта. Мы получим совершенно забитое существо. Кроме того, бывают и отрицательные герои. Например, им сказали, что они ничего собой не представляют, но, вместо того, чтобы броситься доказывать, что они лучше всех, эти люди будут стремиться уничтожить тех, кто нанес им обиду. Нередко разница между героем и великим преступником ничтожно мала. Именно вам предстоит определять необходимое количество детских обид, поддерживать в вашем герое надежду и ориентировать его на положительные ценности.

Мне кажется, что скорее всего в результате получится чудовище, а не святой.

– На практике опирайтесь на собственные обиды, создавайте героев по собственному

подобию. Вы боги-ученики, но в глубине души вы таите обиды, невроты, запутанные чувства, которые испытывали, когда были смертными на «Земле-1». Вы здесь потому, что сумели достойно ответить на полученные удары. Используйте пройденный вами путь, чтобы проложить дорогу вашим подданным. Наделите их вашей яростью и устремлениями, и они реализуют их в своем мире. Если вы будете действовать таким образом, вам нетрудно будет создавать героев. Пусть на «Земле-18» они будут представителями ваших слабых и сильных сторон. Есть индийское слово, означающее воплощение бога на земле, – «аватара». Пусть герои станут вашими аватарами. Достаточно одного решительного человека, чтобы изменить лицо мира. Одной капли достаточно, чтобы переполнить океан.

Мел крошится, когда Геракл мощной рукой выводит на доске: «Овцы Панурга».

– Кто знает эту басню?

Многие, в том числе и я, поднимают руку.

– Это история из книги присутствующего здесь Франсуа Рабле. Прекрасная иллюстрация к продолжению нашего урока.

Рабле поднимает руку, чтобы обозначить свое присутствие.

– Напомним же эту историю тем, кто забыл ее. Во время плавания некто, обидевшись на пастуха, решил отомстить ему. Он купил у него барана, выбрав вожака стада. Расплатившись за покупку, он бросил барана в море, и все овцы тут же последовали за своим вожаком и утонули. Пастух был разорен.

Истории о блохах, обезьянах и крысах мы уже слышали. Настала очередь овец.

– Такова власть лидера. Итак, если вы не против, мы займемся созданием героев. Будьте оригинальны, постарайтесь обойтись без шаблонов и штампов, которые встречаются на любой планете любой галактики в любой вселенной. Выкиньте из головы Зорро и Робина Гуда. Легенды о них прекрасны, не спорю, но это обыкновенные убийцы. Старайтесь оставить свой след в истории ваших смертных. Давайте же, удивите меня!

Преподаватель убирает фигурки.

– У вас уже есть царства. Когда у вас будут герои, вы создадите легенды.

28. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ОТБОР

Вербуя будущих агентов, ЦРУ пользовалось и такой, совсем простой методикой. В газетах появлялось объявление о наборе персонала. Никакого конкурса, анкет, рекомендаций, резюме. Всякого, кто заинтересовался объявлением, приглашали явиться в офис к семи часам утра. В зале ожидания собиралась сотня претендентов на место. Они ждали целый час, но за ними никто не приходил. Время шло. Проходил еще час. Наименее настойчивые уставали и, недоумевая, зачем их напрасно побеспокоили, уходили, выражая недовольство. К 13 часам дверь хлопало не меньше половины кандидатов. К 17:00 оставалась четверть пришедших утром. К полуночи оставались один-два человека. И их автоматически принимали на работу.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том V

29. ВРЕМЯ ИМПЕРИЙ

ИМПЕРИЯ ДЕЛЬФИНОВ

Ветер дул над дюнами. Серый туман становился все плотнее, принося с собой мелкий, морозящий дождь. Люди смотрели в небо, и многие из них думали о том, что же на самом деле там, над облаками. Но были и те, кто не задавал себе никаких вопросов, кого ничто не тревожило. Для них завтра просто превращалось во вчера.

Люди старились и умирали, одни с улыбкой, другие со стоном. Некоторые, прежде чем умереть, произносили последние слова: «Смерть – это всего лишь переход» или «Прах я, и к праху возвращаюсь». Трупы предавали земле, переработанные червями тела становились удобрением. Три поколения спустя почти никого из них уже не помнили.

Люди-дельфины чувствовали, что зашли в тупик. В их книгах по истории были описаны несчастья, которые им пришлось пережить, и надежды. Они не знали, как толковать свою судьбу. Эзотерические движения, развившиеся внутри их религии, пытались найти объяснения, но эти поиски только разжигали воображение людей-дельфинов, а ясности не вносили.

Исконные земли дельфинов были заняты людьми-львами. Население рассеяно крошечными общинами, к которым другие народы относятся более или менее терпимо.

Спасаясь от ига северных завоевателей, люди-дельфины решили плыть вдоль берегов, надеясь найти место, где можно будет основать город. Где они наконец заживут в мире. Чаще всего с берегов в них летели стрелы и камни, и люди-дельфины плыли дальше. Они уже были готовы вернуться туда, откуда началось их плавание, понутив головы и смирившись с тем, что им нигде не будут рады, когда, к своему великому удивлению, встретили теплый прием в одном южном порту, большом и поразительно красивом.

Там даже была небольшая община людей-дельфинов, которые поселились здесь уже давно и жили в мире и благополучии.

Люди-дельфины старались понять причину оказанного им радушного приема. Всегда быть настороже уже давно вошло у них в привычку. Представитель местного населения объяснил людям-дельфинам на их родном языке, чем также вызвал их изумление, что они прибыли к людям-китам, которым жрецы объявили, что бог недавно исчез, предсказав перед этим скорое пришествие людей-дельфинов. Он повелел принять их со всем возможным радушием, так как гости принесут с собой знания, и для людей-китов начнется эпоха процветания.

Людям-дельфинам такое поведение людей-китов показалось сначала подозрительным. Когда-то они дорого заплатили за свою доверчивость и теперь знали: в странах, окружавших их исконные земли, нет ни одного уголка, где можно чувствовать себя в безопасности. Люди-дельфины смирились с мыслью что по необъяснимым причинам регулярно случаются вспышки антидельфиньего расизма. Даже если ненависть к ним на время стихала, через некоторое время она всегда возвращалась. Но у них не было выбора. И они стали привыкать к мирной жизни, хотя кое-кто говорил, что все складывается подозрительно хорошо.

Люди-киты приняли дельфинью религию света, солнца, единого бога, жизненной силы, пронизывающей вселенную, и отказались от культа своего бога-кита. Они переняли обычай людей-дельфинов мыть руки перед едой, стали отдыхать один день в неделю, отказались от человеческих жертвоприношений, а затем и от принесения в жертву животных. Они даже отменили у себя рабство.

Люди-киты усвоили язык и письменность людей-дельфинов и теперь переходили на их календарь и изучали их способ составления карт.

Архитекторы-дельфины укрепили городские стены новым цементом, который изобрели

химики-дельфины. Постоянно заботясь о гигиене, они разместили на крышах жилищ емкости для сбора дождевой воды, чтобы можно было чаще мыться. Проложили канализацию, чтобы очистить городские улицы. Развели сады, так как прогулки полезны для здоровья и просто приятны. Построили обсерваторию, большую библиотеку и огромный храм в виде куба. Акведуки и оросительные каналы, сооруженные вокруг города, позволили в десять раз увеличить урожай.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)